

Свен Вернстрём
КРАХ ЧЁРНОГО РЫЦАРЯ

Перевод со шведского З. Буловской

1

Переполох в продуктовом магазине Трущоберга

В одной далёкой-далёкой стране, по другую сторону от Востока, жил господин Якопп Стюкс.

Теперь он больше не живёт.

Вы, вероятно, слышали в программе «Последние новости» по телевизору о той жуткой истории, что с ним приключилась? Несомненно слышали. Может быть, даже не успели её позабыть, хотя произошло это ещё в давние годы. Такая новость, естественно, сразу же распространилась по всему свету, и о ней, конечно, очень много говорили. Господин Якопп Стюкс был найден мёртвым в своей огромной вилле, похожей на настоящий маленький дворец, вот что тогда случилось. Кто-то его убил.

Как это произошло — до сих пор остаётся загадкой.

Потому что дом его находился за семью холмами и за семью стенами с колючей проволокой. Его охраняли семью семьдесят охранников в чёрных униформах. Посчитать, так это четыреста девяносто человек, и все вооружённые до зубов. А были они настоящими живоглотами.

И тем не менее кому-то удалось к нему проникнуть. И добраться до той комнаты, где господин Стюкс сидел и плёл свои козни.

Так до сих пор и не удалось выяснить, как всё это получилось. И вот теперь я хочу рассказать, как всё было. И даже если это всего лишь злые рассказы, то во всяком случае рассказы правдивые.

Так что это совершенно правдивая сказка.

Повествование наше начинается с того солнечного дня в апреле в пятницу, когда на площади перед Торговым центром Трущоберга стоял Малыш Хэгг пяти лет и ждал, когда его мама вернётся с фабрики.

Маму Малыша звали Крипина, с «п», не совсем обычным именем — не правда ли?

— А, привет, Малыш! — сказала она, подойдя к нему. — Ты не знаешь, купил папа чего-нибудь к ужину?

— Не-а, — ответил Малыш, — папа лежит и спит. Он машиной стукнулся.

— Как! — в испуге вскрикнула мама Малыша. — Он разбился?

— Да нет, — успокоил её Малыш. — Ни капельки. Только ему очень захотелось спать. Так что он пошёл и лёг.

— Та-ак, та-ак, — зловеще протянула мама Малыша. Между бровями у неё появилась сердитая морщинка, когда она произнесла своё «та-ак, та-ак». Она взяла Малыша за руку. И они вместе вошли в продуктовый магазин Трущоберга, чтобы купить еды домой.

Там было всё, как всегда. Покупатели сновали кругом со своими проволочными тележками и снимали с полок продукты. На потолке жужжали телекамеры, следя за покупателями, чтобы те чего-нибудь ненароком не стащили. В воздухе звучала нежная музыка, а чей-то мягкий голос пел:

Покупай, чего ж стесняться,
Станешь весело смеяться.

Покупай, траля-ля, покупай, траля-ля, покупа-аай!

Всё было, как всегда, кроме одного. У самой кассы появились три новые полки с ирисками и пакетами со сладостями.

Когда мама Криспина и Малыш вошли в зал, там была большая очередь. В очереди стояли мамы с детьми и папы с детьми. Все дети тянулись к пакетам со сладостями. И один маленький мальчик вдруг громко заревел:

— Хочу пакет с конфетами!

— У нас же нет денег, — сердито прикрикнула на него мама мальчика.

Другой мальчик сам взял пакет и крепко прижал его к себе. Папа громко вздохнул, заплатил в кассу и пробормотал:

— Чёртов младенец!

Многие ребята кричали и ссорились со своими родителями, пока очередь, змеясь, проползала вперёд. Некоторые родители ругали кассиршу, говоря, что нельзя у кассы расставлять пакеты с конфетами. Кассирша сидела с несчастным видом и пыталась оправдаться.

— Я не виновата. Поговорите с заведующим, — время от времени повторяла она.

Малыш не особенно любил сладости. Он слышал, что приготавливаются они из старых автомобильных покрышек и разрушают желудок. И из большого количества сахара, разрушающего зубы.

Но сейчас, видя, как другие дети выпрашивают пакеты со сладостями, тоже захотел себе пакет. Должна же быть какая-то справедливость! Он протянул руку и взял себе пакет.

Мама Криспина видела это, но ничего не сказала.

Когда подошла очередь к кассе, она вытащила свои кульки и пакеты и выложила их на конвейерную ленту. Кассирша выбила на своём аппарате номера товаров. Когда она нажимала на клавиши, под её пальцами в ЭВМ вспыхивала какая-то таинственная жизнь и ЭВМ жужжала что-то на своём загадочном языке.

Заодно машина также высчитала, что кофе «Счастье» кончается и заказ нужно повторить. Но об этом никто ничего не знал, ни кассирша, ни покупатель. Не знал даже заведующий.

Плетёная тележка была опустошена. Кассирша сказала:

— И ещё пакет с конфетами, шесть крон.

— Нет, — возразила Криспина, — пакет с конфетами мне не нужен.

— Но вы же его взяли! — возмутилась кассирша.

— Не я, — спокойно сказала Криспина.

— Ну так твой Малыш взял, — не сдавалась кассирша.

— Это другое дело, — сказала мама Криспина. — Но нам пакет не нужен.

— Проследи тогда, чтобы мальчик положил его на место, — попросила кассирша.

— Почему я? — удивилась Криспина. — Это, наверно, должна сделать ты. Или тот, кто положил пакет у него под носом.

Кассирша посмотрела на неё в замешательстве. И протянула руку, чтобы взять пакет. Но Малыш отпрянул назад и спрятал пакет за спиной. Тогда кассирша встала и перелезла через стол с конвейерной лентой. Не особенно быстро, поскольку немножко округлилась от вечного сидения за кассой. Но всё же перелезла.

Малыш побежал от неё и скрылся между полками. Кассирша бросилась за ним.

— Помогите! — закричала она. — Держите вора! Бэрра! Бэрра! Бэрра!

Бэрра заведовал магазином. Бэрра Экблад. Хорошо тренированный молодой человек. Член второй Королевской сборной по футболу. А также трубач в Большом джаз-оркестре Трущоберга. Ловкий и гибкий парень в расцвете сил.

Он нырнул в двери кладовой, побежал среди полок и попытался схватить Малыша с другой стороны.

Но Малыш был ещё проворнее. Раз уж ему не удалось проскользнуть ни справа, ни слева, то он взобрался на ближайшую полку.

На полке рядами стояли пластиковые ведёрки с брусничным вареньем. Одно из них свалилось прямо на голову кассирше. Она присела на

ближайший стул и попыталась стряхнуть варенье с волос и белого халата, а потом громко закричала:

— Фу-у-у! Ты посмотри, что он натворил! Фу-у-у!

Бэрра тоже забрался на ту полку, где стояло варенье.

Малыш спрыгнул на пол с другой стороны. Бэрра прыгнул следом за ним. Но Малыш уже исчез за следующей полкой.

Да, Малыш был очень проворным. Единственно, кто мог за ним угнаться, это телевизионные камеры на потолке. Поэтому он был очень отчётливо виден на телеэкранах в потайной комнате сторожей и охранников, довольно далеко отсюда, в другом районе Трущоберга.

Там сидели два одетых в чёрное стражей порядка и пили кофе, поглядывая на беготню в магазине. Один из них сказал:

— Поехали туда? Надо бы вмешаться, а?

Да нет, — откликнулся другой, — подумаешь, мальчишка. Их нельзя сажать в камеру пыток. И даже в тюрьму.

— Надо было бы изменить закон в этом параграфе, — сказал первый.

— Но мы могли бы ему дать по башке, ну хотя бы немного?

— Да ну их, — ответил второй, — только журналистов на себя натравишь. Газеты подымут вой, только тронь ребёнка-то. Подождём, пока попадётся кто-нибудь из взрослых. Их и лупить гораздо интереснее.

Ладно, ждать небось недолго, — заключил первый и налил себе ещё чашку кофе.

Одновременно он переключил телевизор на Большой универмаг Трущоберга.

Тут всё выглядело гораздо пристойнее. На экранах были видны благовоспитанные люди, бродившие между большими полками, заваленными товарами. Всё было тихо и спокойно, никто ничего не крал.

Нет, по тому каналу было занятнее, — сказал второй охранник. — Надо, пожалуй, опять переключить на него.

Так они и сделали. Но решили пока не вмешиваться.

Погоня в продуктовом магазине между тем продолжалась.

Малыш попал на полку, где выстроились банки с мёдом. Свой пакет с конфетами он крепко держал в руке. Но несколько банок свалилось на заведующего, и он стал весь липким с головы до ног.

Так же неудачно получилось, когда Малыш вспрыгнул дальше, на полку с кофе «Счастье», потому что он попал сразу на несколько пакетов, а они

разорвались, и растворимый кофе, просыпавшись на Бэрру, смешался с мёдом.

И теперь заведующий выглядел, как негр из Нигерии.

Но он не сдавался. Мигом сделал вид, что бежит вокруг полки, а сам тут же повернул обратно. А Малыш поскользнулся на кучке кофе и оказался в руках у заведующего.

Ага! — воскликнул Бэрра и потянул к себе пакет с конфетами.

А потом, держа пакет в одной руке, а Малыша в другой, направился к кассе. Пакет он поставил на место, там, где он стоял раньше, а Малыша передал маме Криспине.

Вокруг стояли покупатели и, глядя на него, смеялись.

Но Криспине стало жаль заведующего. И раз её сын оказался виновником переполоха, она решила вмешаться. Она взяла Бэрру под руку и сказала:

— Пойдём, я помогу тебе почиститься.

— Большое спасибо, — сказал Бэрра. — Ужасно щиплет глаза. Я почти ничего не вижу.

Они пошли на склад и далее, в раздевалку. Там имелся душ. Криспина помогла заведующему раздеться и встать под душ. Он вымыл глаза, потом взял мыло, смыл с себя кофе и мёд и стал наконец выглядеть как нормальный человек.

— Спасибо, — сказал он. — Очень любезно с твоей стороны.

А Криспина спросила:

— Слушай, чего это ради вы разложили конфеты у кассы?

— Это не моя идея, — попытался оправдаться заведующий, выключая душ.

— Да главное, перед самым носом у ребятишек, — упрямо продолжала Криспина. — Сам понимаешь, капризов и плача не избежать.

Заведующий казался расстроенным, он всё ещё стоял там мокрый и дрожащий.

— Дай мне полотенце, вон там, — попросил он, — а потом я тебе объясню.

Малыш снял его полотенце с крючка и принёс в душ. Бэрра вытерся и сказал:

— Это не моя идея. Надо же! Разложить сладости у кассы! Мне до такого не додуматься. Это придумал сам господин Стюкс.

— Но зачем? — удивилась Криспина.

— Как зачем? Чтобы увеличить продажу, — объяснил Бэрра. — Дети как раз для этого очень хорошо подходят, они-то и увеличат торговлю. У них воля сильная.

Криспина посмотрела на сынишку. Что верно, то верно. У него действительно сильная воля.

— А сладости дают очень большую прибыль, — продолжал Бэрра. — Один пакет стоит шесть крон. Из них одна крона идёт на электричество в магазине и на зарплату мне и кассирше. Одна крона идёт на конфетную фабрику, которой владеет господин Стюкс. Две кроны идут в банк, который тоже принадлежит господину Стюксу.

— Это четыре кроны, — сказала Криспина. — А куда идут ещё две?

— Они тоже идут господину Стюксу, потому что продуктовый магазин Трущоберга принадлежит ему же. Всё идет господину Стюксу.

— Ну и ну! — воскликнула Криспина.

Малыш слышал весь их разговор, но промолчал. Он уже знал, что, когда взрослые разговаривают, дети не должны вмешиваться.

Бэрра тоже размышлял. Кончив вытираться, он кончил и размышлять. Вид у него был решительный, когда он сказал:

— Сниму-ка я эти полки с конфетами у кассы! Пусть господин Стюкс говорит что хочет. Действительно, нельзя же допустить, чтобы дети и родители из-за нас ссорились!

— Вот и прекрасно! — одобрила Криспина.

Бэрра надел брюки, рубашку и новый белый халат.

— На моей работе надо иметь каменное сердце. А у меня оно не из камня. Я, например, люблю детей.

— А господин Стюкс не любит детей? — спросил Малыш.

— Не знаю, — пожал плечами Бэрра. — Я его никогда даже не видел.

2

Самый чистый класс в школе

В то время когда Малыш Хэгг устроил переполох в продуктовом магазине Трущоберга, его старшая сестра сидела в школе и чистила ножницами ногти.

Ей было двенадцать, и звали её Милла Хэгг.

Последний урок в школе был история. Это о том, что случилось когда-то. Войны, изобретения, открытия, всевозможные события и всякие успехи и достижения.

Учитель был среднего возраста, ни молодой, ни старый, но уже седой и сутулый. Звали его Антон Лёвэнг. Он говорил медленно и отчётливо. В конце урока он задал общий вопрос:

— Таким образом, у истории есть цель. Какая?

Ученики устали. Никому не хотелось отвечать. Тогда учитель решил им помочь.

— Всё, что случилось до сих пор, имело какой-то смысл. Никто не может сказать, что это был за смысл?

Наконец один из учеников открыл рот. Это был сын учителя Йилас. Он сказал:

Ну, наверно, чтобы всё оставалось таким же, как раньше.

— Правильно, — одобрил учитель. — Всё, что происходило до сих пор, имело цель и смысл в том, чтобы создать то, что мы имеем сегодня. А теперь история кончена.

Тут Милла очнулась.

— А как же мы? — удивилась она. — Что будем делать мы?

Вы должны развлекаться, — провозгласил учитель.

— Неужели у нас нет в жизни цели? — продолжала Милла.

Ну, почему же. Вы молодые, ваша задача в том, чтобы сохранять то, что у нас имеется, с тем, чтобы ничто не менялось.

Об этом следовало поразмыслить.

Что у них было? У них был мир, это, конечно, очень важно. В настоящее время войны не было, по крайней мере в их стране. Мир, естественно, надо сохранять. А вообще-то имелись ещё кое-какие порядки, которые надо было бы изменить.

Но только не в пятницу, да еще в три часа пополудни. Чтобы изменить ход истории, надо набраться свежих сил, а сейчас все чувствовали себя усталыми.

Если истории конец, — не сдавалась Милла, — тогда нам, наверное, уже не к чему тут рассиживать. Поэтому я считаю: на сегодня пока довольно. Что вы на это скажете?

— Да, да, да! — слышалось со всех сторон.

И сразу же заскрипели стулья, когда ученики начали подниматься со своих мест.

Но мы же ещё не закончили! — попытался остановить их учитель.

— Только не сегодня, — сказала Милла. — Придётся тебе уйти, потому что мы сейчас будем наводить чистоту.

— Но как же... — начал было учитель.

Ну, к чему эти пререкания! — укорила его Милла.

— Иди же, папа! — поддержал её Йилас.

Учитель собрал свои бумаги и вышел, притворив за собой дверь. А ученики отодвинули в сторону столы и стулья и взялись за уборку.

А уборка была необходима. Утром шёл дождь. Каждая из двадцати пар ботинок оставила свой след. Пол был усыпан хлебными крошками, бумажками от тянучек и обрывками пластика от пакетов с завтраком. А вокруг учительского стола валялось, кроме того, несколько разорванных газет.

Учитель Антон Лёвэнг не любил газеты. В них публиковалось множество фактов, о которых совершенно не к чему знать ученикам, — о большом мире, о развивающихся странах, о голоде, нищете и восстаниях.

Сам он прочитывал их, но потом сердито разрывал на клочки. И так каждое утро.

Кроме того, после его термоса на столе оставались кофейные пятна в виде колец. Так что здесь и в самом деле требовалось навести чистоту.

И когда за дело взялись девятнадцать учеников, все пошло как по маслу. Окна были распахнуты настежь, и в класс хлынул свежий воздух. Кофейные пятна были стёрты. Газеты и полиэтиленовые пакеты, обёртки от тянучек и хлебные крошки с пола исчезли. Ученики 7-го класса изо всех сил старались, чтобы их класс стал самым чистым в школе.

А с помощью самодвижущегося пылесоса «Электростюкс» довольно легко можно было поддерживать чистоту.

Пылесос же был лишь у одного 7-го. Они сами накопили на него денег. И с удовольствием размышляли, сколько ещё времени пройдёт, пока другие классы тоже сумеют приобрести себе такой же.

Милла заперла пылесос в шкаф и огляделась вокруг. Пол блестел. Столы сверкали.

Все соученики Миллы ушли домой. Остались только самые лучшие её друзья. Бюссе и Лонта заглядывали в каждый уголок, но всё было чисто. Луке лишь подвинул немного телевизионный магнитофон, чтобы он стоял прямо.

Наконец все четверо, уже стоя в дверях, оглянулись ещё раз. Ни пылинки, ни соринки. Тогда все вышли и Милла заперла дверь.

Самый чистый класс в школе!

Тут было чем гордиться.

Вечер на тридцать первом этаже

Когда Малыш и мама Криспина подошли к дому № 308 на Бетонной дороге, Милла уже расхаживала по автомобильной стоянке. Она показала на их машину.

— Нет, вы только посмотрите! — восклицала она.

— Это потому, что папа налетел на другую машину, — объяснил Малыш.

Да, такое не утаишь.

Машина была ещё древней марки «ниппон хазда» с бензиновым мотором. Правая фара у неё была вогнута. Капот двигателя и правое крыло покорёжены. Кроме того, от капота как-то странно пахло.

— Такое впечатление, что сгорел пучок кабелей, — задумчиво произнесла Милла. Она имела в виду провода, тянувшиеся к фарам, к сигналу и мигалкам.

— Пусть считает, что ему повезло, а то мог бы и сам сгореть ни за что ни про что.

Криспина ничего не сказала, но, судя по морщинке между бровями, очень рассердилась.

Лифт поднял их на тридцать первый этаж, и они открыли дверь, на которой было написано: «Хэгги».

Мама Криспина вошла первой. С размаху она налетела на кучу каких-то старых вещей, сложенных на полу в передней. Это, видимо, её ещё больше разгневало. Она поставила сумки с продуктами и направилась прямо в спальню.

Пока Милла с Малышом вынимали из сумок пакеты с едой, голоса, доносившиеся из спальни, становились всё громче. Папа Эрк только что проснулся. Говорил он не особенно внятно, но одно было ясно: он обещал излупить того, кто разбудит его ещё раз. Зато маму Криспину было слышно отлично, когда она закричала:

— Только попробуй! Тогда увидим, кто кого излупит!

Потом голоса стихли.

Наступил вечер, очень невесёлый, как всегда, когда папа и мама были в ссоре.

Общими усилиями Милла и Малыш постарались приготовить кое-какой ужин, пока мама Криспина ходила хмурая и недовольная. Потом они

пригласили её к столу: чипсбургеры и сырое молоко. И какие-то ягоды со вкусом черники на сладкое. После ужина настроение у неё немного исправилось.

Но Малыш решил, что он лично не любит сырого молока.

— Я хочу кипячёного молока! — заныл он. — Я гораздо больше люблю кипячёное!

— Мог бы сказать это в магазине, — упрекнула его мама Криспина.

— А сейчас у нас только сырое, и изволь его пить.

Ради мира в семье Малыш согласился выпить сырого молока.

Поев, он отправился в комнату, где стоял телевизор. По дороге поддал ногой испорченный динамик, а потом заодно и старую сумку, две куклы без голов, старые тиски и сломанный фен для волос, зато в результате очистил себе местечко на полу перед телевизором. А потом включил его.

Всегда трудно сделать выбор, когда имеется семнадцать каналов. Тем более что в это время все они передают программы для детей — похожие, как две капли воды.

В конце концов Малыш выбрал английский фильм о детях, обитавших в старом замке; они разъезжали на лошадях и разгадывали тайны.

Милла и Криспина пришли тоже, уселись на диване перед телевизором и стали следить за приключениями на экране. Всякий раз на самом интересном месте фильм прерывался рекламой. Например, когда дети проникли в потайной ход в замке, из камней в стене к ним протянулась чья-то лохматая рука. Заскрипела дверь и, громко хлопнув, затворилась за ними — тяжелая железная дверь. И тут вдруг на экране возникла электрическая зубная щётка. И молодая женщина, которая сказала: «Мальчики меня любят. Я пользуюсь зубной электрощёткой «Дентостюкс». И зубной пастой «Стюксодент». А ты? Нет? Тогда пеняй на себя!»

А потом появился забавный такой старичок и прошамкал: «Электрощётка наша сохраняет зубы ваши».

Самое смешное было в том, что у старичка не было во рту ни одного зуба.

— А у меня такая есть! — обратился Малыш к старичку на экране.

— Если бы ты ещё ею пользовался, — съехидничала мама Криспина.

А потом продолжался фильм. Тайна лохматой руки была раскрыта. Но теперь заболела лошадка. Это была любимая лошадка девочки, экранной героини. У лошадки была такая нежная кожа на морде и такие преданные глаза! Но сейчас лошадка лежала на земле, её мучила лихорадка. Девочка сидела рядом и плакала.

«Мирамус, Мирамус!» — всхлипывала она.

Так, наверно, звали её лошадку.

Ветеринар осмотрел больное животное и сказал, что лошадка, по-видимому, умрёт. Девочка заплакала ещё пуще.

Тут фильм прервался опять. Вместо него на экране опять появилась молодая женщина. Она продемонстрировала электрический нож для резки хлеба. Ручка ножа лежала неподвижно, а лезвие со слабым жужжанием двигалось вперёд и назад.

Женщина разрезала кусок хлеба легко, без малейшего усилия, раз, два — и готово. Она подняла голову и сказала: «Разве это не поразительно? С помощью нового, остро наточенного ножа «Эльменостюкс» можно совершенно не шевелить рукой!»

— Какой идиотизм! — не удержалась Криспина.

Но Малыш сидел в напряжённом ожидании, ему не терпелось увидеть, что случилось с лошадкой. К счастью, она выжила. Девочка плакала от радости. После этого дети на экране ещё не раз раскрывали другие тайны — привидений на чердаке и исчезновения жеребёнка, и только тогда детская программа закончилась.

К этому времени Малышу уже захотелось спать. Он решил пойти и лечь.

Но сначала он пошёл в ванную и почистил зубы своей электрощёткой. Потом открыл рот перед зеркалом и проверил.

И действительно: все зубы на месте, все до единого!

4

Скучная глава

Да, именно так. Сейчас пойдёт глава абсолютно не интересная.

Только рассмотрим более подробно семью Хэггов и послушаем немного, о чём они говорят. Это для того, чтобы с ними познакомиться и чтобы знать их немного получше, когда будем продолжать о них рассказ.

Наступило субботнее утро. За завтраком все сидели немного озабоченные.

Папа Эрк чувствовал себя не совсем хорошо, но, во всяком случае, лучше, чем вчера. Криспина посматривала на него и пыталась придумать, о чём с ним можно заговорить. Милла на своём конце стола вяло и неохотно шевелила ложкой у себя в тарелке. Малыш ползал под столом, с помощью испорченного фена он играл в космический корабль.

Криспина наконец сказала:

— Малыш, ты не можешь играть немного потише?

Взял бы свой электромобильчик и покатался на площадке для игр.

— Не пойдёт, — ответил Малыш. — Он не заряжен.

У Малыша был электромобильчик марки «Хази-8». Длиной в один метр и очень дорогой. А уж какой быстроходный! Ни один взрослый не мог его догнать, когда Малыш выезжал на нём на площадку.

Но тогда батарейки должны быть, естественно, полностью заряжены. А папа Эрк забыл, конечно, включить в сеть контакты накануне вечером.

Криспина взглянула на Эрка и сказала:

— Ещё бы! В автомобилях ты не шибко разбираешься.

— Если ты имеешь в виду то, что я вчера налетел на машину, — ответил Эрк, — так тебе нечего больше беспокоиться. С машиной теперь покончено.

— А не лучше ли покончить с виски?

— И виски не буду больше пить.

После его слов стало тихо. Неизвестно, поверил ему кто или нет.

— Всё потому, что я безработный, — вздохнул Эрк. — Человек может сойти с ума без работы. Я просто прихожу в бешенство из-за того, что меня уволили.

Эрк был экскаваторщиком. Всё шло хорошо, пока использовались маленькие экскаваторы фирмы «Цементостюкс». Но когда появились громадные машины, то фирме уже не нужно было так много водителей. И его выгнали с работы.

За завтраком настроение у всех окончательно упало.

— Может, нам пойти на улицу и чем-нибудь развлечься? — спросила Милла.

— Нет, что ты, мы не можем себе этого позволить, — испугался Эрк.

И опять наступила гнетущая тишина.

— А, пойду-ка я, выйду ненадолго один, — решил папа Эрк. — Я должен подумать, а заодно подышу свежим воздухом.

Думать и дышать — это, кажется, единственное, что ничего не стоит.

И он ушёл.

Никого его слова не обрадовали.

Криспина огляделась вокруг и, вздохнув, сказала, что неплохо бы сделать уборку, вернее, выбросить всё, что валяется под ногами и только мешает.

А таких вещей было множество. Семейство Хэггов всё покупало и покупало, уже много лет подряд. То, что они покупали, ломалось. Тогда они покупали кое-что взамен, но и это тоже в конце концов ломалось. Вся квартира была завалена испорченными и поломанными вещами, так что действительно уборка была необходима.

Но это им было не под силу.

Ведь нельзя было просто взять и выбросить вещь куда попало. Чтобы избавиться от неё, следовало заплатить особой фирме. Надо было им позвонить, а они приедут и всё вывезут. Называлась фирма «Транстюкс». Они приезжали со своей машиной и вывозили весь хлам из города в сельскую местность. И брали за это весьма приличные деньги.

Поэтому семье Хэггов приходилось жить в квартире, то и дело натываясь на старые ломаные вещи, пока у них не появилась возможность от них избавиться, другого выхода не было.

Проходя мимо своей разбитой машины, Эрк прикрыл глаза. Ему не хотелось её видеть.

Быстрым шагом он спустился вниз, к Торговому центру Трущоберга.

На улицах было полно народу, потому что универмаги были открыты. Он встретил даже довольно много знакомых. Однако никто с ним не поздоровался. Объяснялось это тем, что они его не видели. Они смотрели на витрины. А когда смотришь на витрины, то нельзя же одновременно смотреть и на людей, идущих тебе навстречу.

Эрк тоже начал заглядывать в витрины. Главный универмаг рекомендовал **«Самую большую новость»** и **«Фантастическое предложение»**.

Он вошёл в магазин, чтобы посмотреть, какая же это новость и что именно они предлагают. Через некоторое время он вышел с маленьким пакетиком, а вернувшись домой, вручил его Криспине.

Милла стояла у плиты и варила кофе, чтобы немножко развлечь родителей.

Криспина развернула пакет. Там оказался электрический нож для хлеба марки «Эльмекостюкс».

— Какая прелесть! — сказала она.

— Самоходный, — объяснил папа Эрк. — Не нужно даже шевелить рукой.

— Очень мило с твоей стороны, — похвалила Криспина. Она включила нож и попробовала его на хлебцах для кофе, выставленных Миллой. Нож резал превосходно.

— Он тебе правда нравится? — недоверчиво спросил папа Эрк.

— Конечно! — заверила его Криспина.

При этих словах лицо папы Эрка немного прояснилось. Чтобы ещё больше его подбодрить, Милла сказала:

— Не расстраивайся из-за машины. Мы её тебе починим.

— Кто это — мы?

— Моя компания. Мы — четверо из нашего класса: Бюссе, Луке, Лонга и я. Можешь не сомневаться, твоя карета скоро будет в порядке.

Звучало это прекрасно. Папа Эрк задумался.

— В наше время мы бы такое не сумели, — сказал он наконец. — Мы строили шалаши и клетки для кроликов, но в машинах ни бельмеса не смыслили. Правда, и мастерской никакой у нас в школе не было. Многое всё-таки с тех пор изменилось к лучшему.

— Можно, я вам помогу? — спросил Малыш. — С машиной папиной, а?

— Ты ещё слишком мал, — заявила Милла.

— Но я же хочу помочь!

— Новое дело! Ты только всё испортишь. Знаем мы таких помощников.

— А я бы не мог починить даже машину Малыша, — вздохнул Эрк.

Криспина подула на кофе и взглянула на него.

— Да уж, — сказала она, — ты даже зарядить её не можешь.

— Могла бы сделать это и сама, Малыш ведь твой ребёнок.

— Если мы живём вместе, так и дети у нас, наверно, общие.

Было похоже, что опять назревает ссора. Никто не знает, во что бы всё вылилось, если бы в дверях не раздался звонок. И он оказался как нельзя более кстати.

Вошла соседка.

Её звали Бетта Линдблум; она была гораздо моложе, чем Криспина и Хэгг.

— Приветствую всех! — закричала она с порога. — Я так рада! Нет, я должна всё рассказать!

— Что за новость? — спросила Криспина.

— У меня будет ребёнок!

— Ну, неужели? Как прекрасно!

— Да, — продолжала Бетта Линдблум. — Только бы прошло всё благополучно. В теперешние времена можно ожидать каких угодно гадостей. Но мне так хотелось иметь ребёнка, я так долго его ждала! Ох, как я рада!

Сидевший под столом Малыш тоже очень обрадовался. Маленький ребёнок в доме, да это же счастье! До сих пор он был самым маленьким. Ему никогда не разрешали ходить с Миллой и её компанией. А теперь наконец и ему будет с кем поиграть!

Все, естественно, были рады ребёнку Бетты Линдблум. Её угостили кофе с булочками.

Она считала, что у неё будет девочка. Впрочем, и мальчик тоже неплохо.

— А я всё мечтала, мечтала! — сказала она. — Вы никогда не мечтали о чём-нибудь сильно, по-настоящему?

— Почему же? — отозвалась Милла. — Я уже сколько времени мечтаю стать взрослой, только, сдаётся мне, будет это ещё очень не скоро.

— А я мечтаю только о том, чтобы чем-нибудь заняться, — сказал Эрк. — Нам бы следовало иметь усадьбу в деревне. Усадьбу с животными. Столько от них удовольствия, и так они к тебе привязываются! И потом, это такая работа, в которой ты сам себе хозяин. Вот о ней-то мне и приятно помечтать.

— А ты? — обратилась Бетта к Криспине. — Чего ты хочешь больше всего на свете?

— Ничего особенного. Дети ведь у нас есть.

— Но о чём-то ты, наверно, мечтаешь, по тебе вижу.

— А, — сказала Криспина, — так глупо, что и говорить неохота.

И они опять стали рассуждать о ребёнке Бетты. Она не помнила себя от радости. И выпила ещё чашечку кофе и ещё одну.

И — что совсем уж прекрасно — всем в семье Хэггов стало как-то веселее от её болтовни.

Она ещё долго сидела у них и только к концу дня скрылась за своей дверью, на которой было написано «Линдблум».

Милла вышла на улицу, чтобы встретиться со своей компанией. Малыш ползал-ползал под столом, а потом забрался на колени к папе Эрку. Ему уже не хотелось никуда уходить. Сейчас ему казалось, что так уютно, так хорошо посидеть дома.

— Слушай, а ты правда хочешь в деревню? — обратилась Криспина к мужу.

Да, — вздохнул Эрк. — Наш город какой-то ненормальный. Люди смотрят только по сторонам, на витрины. Теперь они больше не смотрят в глаза друг другу.

Это действительно ужасно, — согласилась Криспина.

— Я и говорю. Но мне кажется, что сейчас люди всё чаще это замечают. Думаю, что у всех терпение скоро лопнет.

Эрк и Криспина наконец помирились. И теперь так хорошо было сидеть всем вместе.

Эрк сказал:

— О чём это ты мечтала и не хотела сказать?

— А, ерунда, просто я подумала, что хорошо бы мне увидеть ротометр.

— Что это за штука?

— Мы делаем его на нашей фабрике. Хотя я никогда в глаза его не видела. Сижу весь день-деньской да насаживаю крошечную стрелочку на маленькую ось. Несколько тысяч в день. Один раз я увидела статью, где говорилось о нашем широкоизвестном ротометре с передаточным модулем и пневматическим выходом.

— Звучит загадочно.

— Ну да. И чувствуешь себя такой жалкой, раз не знаешь даже, как эта штука выглядит, когда она выходит готовым изделием где-то на другом конце фабрики.

— Не знаю даже, что тебе и сказать, — пожал плечами Эрк.

— Надеюсь, что-то полезное, во всяком случае. Что-то на радость людям.

5

Воскресенье на автомобильной свалке

Линдблум¹ и Хэгг², Экблад³ и Лёвэнг⁴, какие красивые фамилии! Нигде в мире, наверно, нет таких красивых фамилий.

Китайцы, посещавшие страну, говорили обычно:

— О, какой романтичный народ живёт здесь, раз у вас такие красивые фамилии! Цветущая липа, благоухающая черёмуха, пышные луга и зелёные дубовые листья! Да, такой народ должен любить природу!

И конечно, этот народ любил природу, вернее, то небольшое, что от неё осталось. Но только видеть природу им приходилось не часто.

Большая часть природы была уже покрыта асфальтом и высотными домами и вообще превращена в город. А вокруг города красовались, главным образом, свалки; огромные пространства занимали также автомобильные кладбища.

Так что детям на окраинах города было где поиграть.

Но когда компания Миллы направилась туда в это солнечное воскресенье, то им было не до игры. Они решили раздобыть запасные части к разбитой машине Хэггов.

Компания Миллы — а в неё входили Бюссе, Луке, Лонта и сама Милла — Малыша с собой, конечно, не взяла.

Поле, на которое свозили разбитые автомобили, являло собой фантастическое зрелище. Солнце сверкало в тысячах стёкол и отражалось в лаке разнообразнейших оттенков. Воздух дрожал над морем раскалённого листового железа. Над свалкой стоял слабый и довольно приятный запах бензина и сгоревших машин.

Дети поменьше любили развлекаться тем, что сжигали остатки бензина в канистрах и баках автомобилей разных старых марок. Взрывы получались что надо!

Но сейчас всё было тихо. Воскресный покой и тишина сделали поле похожим на кладбище — чем оно, собственно, и было, в некотором роде, конечно.

— Вы знаете, что мы будем искать-то? — спросила Милла. — «Ниппон хазда», старую модель, с бензиновым двигателем.

— Да знаем, чего ты! — отмахнулся Бюссе.

В компаньоны себе он взял Лонту. Милла и Луке отправились в другую сторону. Между нагромождениями пришедших в негодность машин извивались узенькие тропинки, и вскоре обе половинки компании потеряли друг друга из виду.

Милла огляделась кругом в море машин, но ни одной «ниппон хазды» не обнаружила.

Зато Луке наткнулся на нечто необычайно интересное. Он углядел настоящий автомобиль — ветеран «хонду сивик» начала 80-х годов.

— Она попала сюда только что, — обрадованно заявил он. — Держу пари на чипсбургер, что она на ходу!

— Чур, я покатаюсь на ней первая! — сказала Милла.

— Э, нет, знаем мы, чем это кончается. Я тоже хочу немножко поездить.

Он сел за руль и включил зажигание. Двигатель сразу же завёлся, затарахтел спокойно и равномерно.

Милла впрыгнула на сиденье рядом с ним и надёжно пристегнулась широким ремнём безопасности: Луке, спору нет, осторожен и, может быть, даже боязлив, но никогда не знаешь, что с тобой может случиться.

Ведь машина-то должна разбиться, а иначе что ж тут интересного?

Луке выехал на одну из узких дорожек и осторожно пустил по ней «хонду».

— Подумать только, выбросить такую отличную машину! — ужаснулся он.

— Они, наверно, купили себе более модную, — высказала предположение Милла, — машины с бензиновыми двигателями ведь никуда не годятся.

— А у твоего отца как же?

— Так это потому, что он безработный. Другую он не может себе позволить. Ну, теперь пошевеливайся! Давай!

Луке сделал первый поворот. «Хонда» зацепила за разбитый в пух и прах «сильвер зом» и получила несколько внушительных вмятин.

— Никуда не годится! — сказала Милла. — Что ты какой нерешительный!

На следующем повороте Луке действовал уже более энергично. О кучу сваленного автомобильного старья его царапнуло вполне прилично. Правое крыло у «хонды» оказалось оторванным.

— Вот теперь лучше! — с одобрением отозвалась Милла. — Действуй в таком же духе!

Перед ними открылся небольшой отрезок прямой дороги. Луке увеличивал скорость и проехался так близко к нагромождениям машин, как только мог. Оторвалось левое крыло, и лопнули стёкла в окнах по левую сторону. Вид у «хонды» стал, как после столкновения.

Милла испугалась, что бензин кончится прежде, чем она сможет сесть за руль.

— Теперь моя очередь! — закричала она.

— Ты не веришь, что я решусь?..

— Да остановись же! — рассердилась Милла. — Я сама хочу покататься!

«Хонда» понеслась к следующему повороту. Луке нажимал и нажимал на тормозную педаль, но без всякого успеха. Тормоза приказали долго жить. Теперь было понятно, почему машина оказалась на свалке.

Луке быстро вывернул руль, но его занесло, и он налетел на старый грузовик. У «хонды» сплющился зад, но какое это имело значение — важно, что она остановилась.

Они поменялись местами. Милла села за баранку, Луке прикрепил себя ремнями на сиденье сбоку. Только бы машина включилась ещё разок...

Да, теперь это было просто необходимо, потому что прямо к ним бежал сторож, охранявший автомобильную свалку.

Зачем им нужен был здесь сторож — никто толком не знал. Здесь и охранять-то, собственно, было нечего. Но таковы были предписания. Скорее всего он должен был препятствовать желающим унести отсюда старые запасные части, когда людям не хотелось покупать новые.

Сторож, пожилой увалень с серовато-седыми волосами и кривыми ногами, в форменной фуражке, держал в руках дубинку. Бежал он не очень быстро, но был известен тем, что если уж ему кто попался, то пощады не жди, избивал жестоко.

Милла всё ещё возилась под рулём с проводами, чтобы завести мотор, когда сторож подошёл совсем близко. Но в последнюю минуту двигатель заработал.

«Хонда» оторвалась наконец от грузовика и понеслась обратно той же дорогой, какой прибыла. Миллу бросало из стороны в сторону, машину било о громоздившиеся по обеим сторонам дороги развалины. В покорёженной машине всё гремело и скрежетало.

— Да у неё же тормозов нет! — закричал Луке.

И в самом деле, тормозов у неё не было. Но всё же, если Милла слегка отпускала газ, то мотор немного тормозил.

Чтобы остановиться, ей пришлось въехать напрямик в первую же груду старых машин у ближайшего поворота.

Раздался великолепный грохот. Капот был теперь раздавлен. Ветровое стекло разлетелось на тысячи крошечных кусочков, тучей зароились над ними осколки. Почихав немного, двигатель остановился.

Луке вышел из машины.

— Ты всё-таки ненормальная, — покачал он головой.

Милла вышла тоже. Она вытряхнула осколки стекла из волос и с удовлетворением поглядела на дело своих рук.

— Разве ты не сказал, что жалко выбрасывать такую превосходную машину? — с наигранным удивлением спросила она.

— Так это когда было, — попытался оправдаться Луке. — Теперь от той машины ничего не осталось.

Да, машина была не та, её было просто не узнать.

Прямо перед ними на груде обломков стояли Бюссе и Лонта и усиленно им махали.

— Мы нашли её! — закричала Лонта. — Чудную, дивную «ниппон хазду». Пошли посмотрим!

Милла и Луке стали взбираться на самый верх груды сваленных автомобилей. В одном из них Луке нашёл маленький фотоаппарат и протянул его Милле. Фотоаппарат выглядел вполне прилично. У Миллы было,

конечно, ещё три испорченные камеры — но в той вещи, которую ты не купил, а нашёл, есть какая-то особая прелесть.

Милла сунула аппарат в карман и продолжала карабкаться наверх.

Но тут настал момент, когда следовало хорошенько спрятаться, потому что сторож бежал уже с последнего поворота и казался при этом страшно рассерженным.

— Хулиганы! — орал он. — Бандиты! Управы на вас нету! Посмотрите, что вы натворили!

— А что такое? — издали спросила Милла.

— Да вон там, видите?

Сторож показал на разбитую «хонду».

— В чём, собственно говоря, дело? — продолжала перекликаться с ним Милла. — Может, она была нужна тебе самому?

— Нет, но она же загородила дорогу! — прокричал ей в ответ сторож.

И в самом деле. Остатки «хонды» стояли как раз поперёк узкой гравийной дорожки. Невозможно было продвинуться вперёд, если бы кто захотел оставить здесь свою развалину.

А теперь всё, уже ничего нельзя было сделать.

У друзей-приятелей были сейчас дела поважнее. Сторожу никак было к ним не добраться. В тишине и спокойствии они наконец могли заняться теперь тем, что Бюссе и Лонга отыскивали для «ниппон хазды».

И она выглядела в точности, как машина Хэггов. И всё то, в чём они нуждались, было на месте — капот, правое крыло и левая фара.

Пока другие отвинчивали части капота, Милла обследовала электрические провода, те, что сгорели, когда папа Эрк столкнулся с другой машиной. Здесь они оказались в целости и были скреплены изоляционной лентой в один пучок.

Она осторожно высвободила его из инструментальной доски и вытащила через капот. Потом от сигнального гудка, фар и мигалок отвинтила разнообразные крепления.

А вот можно ли будет закрепить всё это на папиной машине — другой вопрос...

Как раз в тот момент, когда друзья приготовились отправиться восвояси, они услышали в воздухе треск приближающегося мотора. Луке затолкнул Миллу в ближайшую автомобильную развалину и сам прыгнул следом за ней. И заорал во всё горло:

— Прячьтесь скорее! Охранники к нам пожаловали!

Бюссе и Лонга проворно заползли и спрятались среди корпусов и колёс, стараясь сделаться незаметными. С неба наискось к ним опустился чёрный вертолёт и с ревушим мотором завис прямо над «ниппоном».

За выпуклыми стенками вертолёта ребята из своих укромных местечек увидели одетых в чёрное охранников. Лиц было не различить, одни лишь чёрные пластмассовые шлемы наподобие чёрных шаров.

Вылитые роботы.

Плохо приходилось тому, кто был вынужден иметь с ними дело. Кто же их вызвал? Тот старый сторож, что ли? Так или иначе, а надо было как можно скорее отсюда убираться подобру-поздорову.

А может быть, они просто пролетали мимо, делая свой обычный разведывательный облёт? И заметили сверху какое-то движение на автомобильном кладбище? Но сейчас они никак не могли ничего увидеть. Ребята тщательно спрятались и были совершенно не видны с воздуха.

От лопастей винта вертолёта к ним летел холодный ветер. Звук работающего двигателя превратился в рёв. Но наконец вертолёт поднялся и, взбивая воздух винтами, исчез вдали.

Друзья выползли из своих укрытий, собрали старые запасные части: капот, крыло, фару и пучок проводов — и потащили их вниз, на дорогу.

Старика сторожа нигде не было видно.

Скорее всего он тоже испугался охранников в вертолёте. Их, несомненно, боялись все.

Совместными усилиями Милла и её товарищи откатали разбитую в пух и прах «хонду сивик» с дороги. Совсем не к чему было её там оставлять, она действительно мешала проехать другим, что и говорить, старый сторож был прав.

Потом они снесли найденные запчасти домой, на стоянку у Бетонной дороги.

Там они принялись за ремонт машины. Снять капот двигателя не составляло труда. Он был укреплён с помощью двух

болтов и снимался без усилий. Они его легко заменили. Крыло держалось на винтах, они и его заменили без особой мороки. А фару нужно было просто надеть и прижать как следует.

С пучком проводов дело обстояло хуже.

Милла желала закрепить их сама, она хотела быть уверенной, что всё будет сделано как полагается. И конечно, ничего у неё сначала не получилось.

Когда она нажимала на сигнальное устройство, с правой и с левой стороны зажигались мигалки. Но как только пыталась включить фары, сигнальное устройство начинало вить.

Луке просунул голову в машину:

— Помочь тебе?

— Сгинь! — сердито рявкнула Милла.

Она переменила провода местами и сделала новую попытку. Теперь машина сигналила независимо от того, на какую кнопку Милла нажимала. Но девочка не сдавалась. И постепенно всё наладилось. Сигнальное устройство действовало от кнопки сигнала, фонари — от световой кнопки, мигалка — от блинкерного контакта.

Наконец всё было окончательно налажено.

— Фу-ух! — с облегчением вздохнула Милла и вышла из машины.

Впереди, у левого крыла, возились остальные, стараясь устранить мелкие повреждения на капоте. Бюссе держал тюбик с какой-то клейкой жидкостью.

— Надо только легонечко выжать его на вмятину, — сказал он. — А потом размазать. И когда всё высохнет, то станет твёрдым, как металл.

Содержимое тюбика называлось «пластюкс паддинг». Оно было изобретено в США, в далёкой Америке. Все интересные изобретения приходят оттуда.

— Разве ты не слышал про «пластюкс паддинг»? — удивился Бюссе. — Он уже сто лет как существует на свете.

Вопли гудка, который регулировала Милла, донеслись, наверно, до тридцать первого этажа, потому что из парадной появился папа Эрк и направился к машине.

— Неужели и в самом деле всё исправили? — недоверчиво спросил он. — Вот уж никак не ожидал! Как жалко, мне-то уж не придётся водить машину...

— Да ты же с виски хотел покончить, а не с машиной! — не удержалась Милла.

— А с виски мы уже покончили! — хвастливо заявил

Эрк. — Я, значит, смогу водить машину опять, если, конечно, очень расстарюсь.

Он сел за баранку и для проверки запустил двигатель. Из выхлопной трубы пошёл ужасный запах, как всегда в машинах с бензиновым двигателем, но сам мотор работал прекрасно. Он нажал на газ и осторожно выехал со стоянки на улицу, а там вскоре исчез из виду.

Милла, Луке, Бюссе и Лонга остались на стоянке. Бюссе нарушил молчание.

— Теперь только бы опять с кем не столкнулся.

— Ну, с этим делом мы тоже покончим, — откликнулась Милла.

— Что ты собираешься делать?

Она взяла из рук Бюссе тубик с «пластюкс паддингом».

— По-моему, ты сказал, что вот эта штука становится твёрдой, как листовое железо, когда застывает?..

6

Пропавшая замочная скважина

В Торговом центре Трущоберга был только один магазин, торговавший спиртными напитками.

Всем, конечно, известно, что спиртные напитки ядовиты. И довольно странно поэтому, что мог существовать магазин, продававший людям яд. Правительство, возможно, придерживалось того же мнения, поскольку постановило, что все подобные магазины должны иметь вывеску, предостерегающую покупателей от приобретения яда.

Магазин в Трущоберге тоже имел такой плакат в своей витрине. Там было сказано:

«Ты не должен пить наше отличное виски, потому что пить виски опасно. Но ты все-таки купи его, чтобы мы могли на нём заработать».

И, как это ни странно, эти люди виски покупали. Ну, а раз они его купили, так и выпивали, какой вопрос. И от этого пьянели, заболели и устраивали на дорогах аварии.

Просто несчастье какое-то!

Милла, однако, решила проследить, чтобы в дальнейшем её отец совсем не пил виски, а тем более не напивался, не заболел и не попадал на своей машине в аварию.

Вечером она со своими друзьями потихоньку прокралась в Торговый центр.

На тротуарах, закрытых для транспорта, между громадными окнами витрин, было тихо и безлюдно. У людей ведь не было повода выйти в воскресный вечер, когда все магазины закрыты.

— А что мы будем делать, если нагрянут сторожа? — спросил Бюссе.

— Придумаем что-нибудь, — тряхнула головой Лонта. — Скажи, что ты вышел на улицу поискать своего пропавшего попугайчика, или что-нибудь в этом роде.

В Торговом центре было всегда по меньшей мере два сторожа ЧАКМ. ЧАКМ означает Частный Армейский Корпус Магазиновладельцев. Одеты они были в коричневую форму, с беретом на голове, с сигнальным устройством на груди и оружием у пояса. Иногда они брали с собой ищеек.

Они могли быть очень опасны.

Милла и её друзья держались вплотную к стенам домов, медленно и осторожно продвигаясь вперёд, к зданию, где находился винный магазин. Сторожей было не видно.

Было лишь слышно, как ворковали голуби. Оставалось загадкой, чем они могли питаться в этом мире из стекла и железа. Но дома были старые. В щелях, где бетон уже выветрился, голуби, по крайней мере, могли строить себе гнёзда.

Милла остановилась перед винным магазином.

— Ну-ка посмотрите, есть ли где ещё двери! — попросила она.

Её товарищи быстро разошлись в разные стороны и исчезли во мраке.

Милла стояла в глубокой тени около больших дверей магазина. В одной руке она держала тюбик, взятый у Бюссе.

Она отвинтила крышечку, приложила тюбик к дверному замку и нажала на тюбик. Потом одним пальцем размазала липкую, тягучую массу. Замок заполнился «пластюкс паддингом». Замочная скважина исчезла.

Как только клей застыл, он стал твёрдым, как металлический лист.

Милла вздрогнула, потому что в темноте за её спиной послышался шорох. Но это был Бюссе, вернувшийся с проверки.

— Вот здесь есть ещё задний ход, — шёпотом сообщил он.

С другой стороны подошла Лонта.

— А я нашла дверь в контору, — доложила она.

Потом явился Луке.

— Я видел только маленькую дверь, через которую выносят мусор.

— Всё это мы должны заклеить, — распорядилась Милла.

Вместе с друзьями она следовала от одной двери к другой и заполняла замочные скважины «пластюкс паддингом». Вопрос был лишь в том, все ли двери они отыскивали.

— Наверно, должен быть ещё вход снизу, с тех улиц, с которых завозят товары, а, ребята? — внезапно осенило Луке.— Ведь всё виски должно как-то попадать в магазин, верно?

Разгрузочные улицы располагались под землёй, это был целый особый мир. Именно туда направлялись грузовики со всем тем товаром, который будет продаваться в магазине.

Чтобы попасть туда, друзьям пришлось воспользоваться люком позади Большого универмага.

Они обнаружили его ещё тогда, когда были малышами. Туда они обычно прокрадывались снизу, с разгрузочных улиц, и воровали пустые пивные бутылки, за которые потом получали денежки в кассе Большого универмага.

Это было до того, как в Торговом центре Трущоберга появились сторожа ЧАКМ.

Люк был на том же месте, что и прежде. Общими усилиями им удалось его открыть. Они сползли через отверстие и спустились по деревянной лестнице.

Внизу царил мёртвая тишина и было довольно холодно. Извивавшиеся в разных направлениях туннели освещались слабенькими лампочками. Вдоль стен тянулись грузовые мостики и двери, украшенные именами владельцев магазинов.

Теперь нужно было отыскать именно тот туннель, который вёл к грузовым мосткам магазина спиртных напитков.

Двигаться им пришлось, соблюдая полнейшую тишину. Каждый шорох между бетонными стенами увеличивался и отдавался эхом. Когда Луке случайно поддел ногой пустую банку из-под пива, звук был такой, будто на них свалилась тысяча килограммов железных листов.

— С ума сошёл! — сердито прошипела Милла. — Ты что, хочешь приманить сюда сторожей?

«Сторожей! Сторожей! Сторожей!» — сейчас же откликнулось эхо в туннеле перед ней.

Но сторожей не было.

И уж если они забрались так далеко, то нужно было продолжать и дальше. Милла двигалась так тихо, как только могла. Луке старался не задеть за что-нибудь ногой. Остальные тоже двигались затаив дыхание.

Постепенно они отыскивали нужные им разгрузочные мостики. На двух широченных дверях едва светилась слабенькая лампочка. Но между дверями висела вывеска, где было написано: «Спиртные товары».

Милла подобралась к дверям и старательно заполнила оба дверных замка «пластюкс паддингом». Пальцем она так замазала замочные скважины, что они совершенно исчезли. Всё должно было выглядеть опрятно и красиво.

— Поторапливайтесь! — сказал Бюссе. — Как только вспомню о сторожах и их собаках, так меня дрожь берёт.

«Собаках! Собаках! Собаках!» — эхом разнеслось по обоим концам туннеля.

Милла спрыгнула с мостков, и все побежали к лестнице и люку.

Когда они собрались подняться наверх, Луке торжественно объявил:

— Сначала дамы!

Где-то он услышал это старомодное выражение. Он вообще любил шутить и дурачиться, и ему всегда хотелось выглядеть немного более благовоспитанным, чем другие. Но Милле он нравился и таким. Она начала взбираться по лестнице. Следом за ней шла Лонта, потом Луке, а Бюссе замыкал шествие.

Люк только вначале им было тяжело открыть, потому что крышка его проржавела, а теперь отодвинуть её оказалось парой пустяков. Милла нажала как следует плечом и вылезла на улицу.

Она как раз хотела протянуть руку Лонте, когда вдруг услышала за спиной злобное рычание.

Лонта втянула голову. Крышка опустилась. Милла обернулась назад.

Из темноты показался сторож ЧАКМ с чёрной ищейкой на поводке. Собака оскалила зубы и потянула сторожа к Милле. Казалось, на поводке это она тащила сторожа за собой. Сторож придержал собаку и спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Я... — Милла растерялась.

— Ну?

— Я ищу своего попугайчика, — вспомнила Милла.

— Чего? — грозно переспросил сторож.

— Он убежал, — запуталась Милла, — то есть я хочу сказать, улетел.

— Как! Так поздно вечером? — не унимался сторож. Умом он не отличался, а то не получал бы такого удовольствия, работая сторожем у владельцев магазинов в Торговом центре Трущоберга. Сейчас он стоял и раздумывал, что ему делать с девочкой.

А это не так-то просто. Одно дело — ловить взрослых мужчин, к ним он уже привык, да и выглядят они именно как воры. Другое дело — девочки, разыскивающие своих попугаев, — нет, с такими он ещё не сталкивался.

— Мне кажется, тебе надо купить ему ошейник, — надумал он наконец. — Води его на поводке, как собаку, он и не улетит.

Да, ты прав, — с готовностью согласилась Милла.

А потом ты можешь купить свисток. Вот у меня для моей собаки. Свистнешь ей — она тут как тут. Сам-то я ничего не слышу, зато у неё слух — лучше не надо.

Собака явно слышала, что под крышкой люка подозрительные люди.

Она рычала и тянула хозяина за поводок. Но поскольку на люке стояла Милла, то сторож думал, что собака рвётся к ней.

Тихо, Батман! — сказал сторож. — Ты же знаешь, детей кусать нельзя!

Собака замолчала и села. Но подняла верхнюю губу, оскалив зубы. Казалось, она размышляет, какова Милла на вкус.

— Может, мне ещё чего купить, как ты думаешь? — спросила Милла.

— Не, — покачал головой сторож. — Этого тебе хватит. А теперь марш домой! Сейчас всё равно всё закрыто, приходи завтра утречком. Пошли, Батман!

Собака не хотела идти, но сторож потянул её за собой. Когда они исчезли за углом, Милла сошла с крышки люка и выпустила товарищей.

Они молча прокрались по улице, а потом разошлись по домам.

Во тьме ночи у них за спиной всё больше и больше подсыхал и твердел «пластюкс паддинг» на всех дверях, постепенно становясь прочным, как металл.

Утром в понедельник Милла никак не могла заставить себя пойти в школу. Её неудержимо тянуло взглянуть на то, что происходит у винного магазина.

Началось всё с того, что его владелец пришёл туда и остановился в изумлении. Потом пришли кассирши и тоже остановились, как окаменелые. И мальчики со склада. И служащие из конторы.

Потом явились те, кто собирался купить виски. Они попытались пробиться вперёд, к входу, спрашивая по дороге:

— Что, неужели ещё закрыто?

— Удивительное дело, — пожал плечами владелец магазина. — Прямо волшебство какое-то! Исчезла замочная скважина!

В это никто, конечно, не поверил. Всем захотелось собственными глазами убедиться, что это так. Перед входом собралась толпа; началась

давка. Люди, спешившие на работу, тоже останавливались, чтобы узнать, в чём дело.

Среди зрителей скрывалась и Милла. Она была очень довольна делом своих рук.

Никто не мог понять, куда девались замочные скважины.

— Нет, надо вызвать слесаря, — решил наконец владелец магазина.

Один из складских рабочих побежал в Большой универмаг позвонить мастеру. Вскоре он прибежал обратно. А через некоторое время пожаловал и сам мастер, в жёлтой машине и в жёлтом комбинезоне с надписью «Ключестюкс» на спине и с массой всяких инструментов в карманах.

— Что у вас тут стряслось? — спросил он снисходительно.

Владелец магазина показал ему двери.

— А, понятно, — пробормотал слесарь. — Только я здесь ничем не могу помочь. Нет замочных скважин, значит, и замков никаких нет.

— Вчера же они были! — попытался защититься владелец магазина.

— Неужели? Что же их сейчас нет? В общем, пока, некогда мне с вами разговоры разговаривать.

И он укатил в своей жёлтой машине.

— Придётся вызвать охранников, — вздохнул владелец магазина.

Вызывать пришлось ему самому, потому что никто не хотел с ними связываться. Он пошёл в Большой универмаг и попросил разрешения позвонить. Через несколько минут он вернулся и стал ждать.

Люди отошли и встали по стенкам домов. Казалось, на пустой, закрытой для транспорта улице стало вдруг холодно. К охранникам никто не желал приближаться. Владелец магазина стоял у входа в полном одиночестве.

Вскоре издали донёсся шум моторов. И сразу же шум превратился в рык. Из-за угла вынеслись шестеро одетых в чёрное охранников на шести чёрных мотоциклах.

В их чёрных пластмассовых шлемах отражались лучи утреннего солнца.

Все шестеро напоминали роботов.

Спрыгнув с мотоциклов, они сразу же стали ломиться в дверь, колотя её дубинками. Это, конечно, ни к чему не привело. Двери оставались закрытыми. Начальник охранников встал перед владельцем магазина и сказал:

— Ничего сделать нельзя!

У всех создалось впечатление, что говорит привидение: не видно было ни рта, ни глаз, потому что лицо скрывал шлем. Казалось, голос выходил прямо из чёрной пластмассы.

— Это я вижу, — отозвался владелец магазина.

— Что тут произошло?

— Понятия не имею.

Пластмассовая голова подумала и высказалась:

Надо будет привезти из тюрьмы Лабана Хассельнёта. Он единственный, кто может помочь.

— Мне-то всё равно, — сказал владелец магазина, — лишь бы он справился.

— Ну, за ним дело не станет, — сказал чёрный шлем. — Но не раньше, чем сегодня вечером. Лабан может работать только когда темно, он из таких.

На том и порешили. Охранники уселись на мотоциклы и с грохотом умчались. Владелец магазина освободил служащих на весь день и отослал их домой.

Прохожие тоже разошлись, поскольку смотреть было уже не на что.

На следующий день Лабан Хассельнёт открыл все двери.

Он был самым искусным взломщиком в стране. Ни один замок, ни один сейф не были для него преградой.

Сначала его звали Хассельгрэн⁵. Он то и дело попадался, и его не раз сажали в тюрьму. Тогда он изменил фамилию на Хассельнёт⁶, полагая, что с другой фамилией ему повезёт больше.

Но пользы ему это не принесло.

Потому что он продолжал воровать у богачей, на виллах миллионеров, в банках и больших универсальных магазинах.

А если бы он вместо этого воровал у бедняков, ему бы всё сходило с рук, потому что такие воры никогда не попадают. Но настолько хитроумным он не был.

Сейчас он во всяком случае получил возможность хотя бы ненадолго выбраться из тюрьмы на волю и вдохнуть свежего ночного воздуха, пока открывал все шесть дверей в магазине спиртных напитков.

Этого Милла уже не видела: раз такого опасного преступника выпустили на свободу, то весь Торговый центр моментально оцепили.

7

Грабители, не пожелавшие взять денег

Это вы устроили мороку с замками в винном магазине? — спросил папа Эрк.

— Конечно, а то кто же?! — без тени смущения ответила Милла.

Папа Эрк огорчённо покачал головой.

— Что вы, собственно, за хулиганы такие?

Ничего мы не хулиганы, — оскорбилась Милла. — Вернее, мы даже не хулиганы. Мы ничто! Мы не работаем, мы не имеем права голоса, мы ничего не решаем. Мы только сидим у моря и ждём погоды. Быть ребёнком — это только сидеть и ждать. Совсем не весело, хочу тебе сказать.

На полу ползал Малыш, он играл среди всех их поломанных и испорченных вещей. Где-то он раздобыл себе старый подсвечник. Вообще-то подсвечник был электрический, но сейчас провода потерялись.

Малышу он служил как реактивный самолёт с семью носами, с носом для каждой свечки. И с мощным реактивным двигателем в самом конце, у основания.

— А почему вы не взяли меня, я тоже хотел устроить мороку с замками, — подал свой голос Малыш.

— Ты слишком мал, — высокомерно заметила Милла.

— Никогда меня не берёте, когда делаете что-нибудь интересное!

— Ну, интересного там, положим, было мало.

— Зря вы всё это затеяли, — вмешался папа Эрк, — во всяком случае ради меня.

— Что-то должно произойти. Если мир вокруг тебя сошёл с ума, нельзя сидеть сложа руки и ждать!

И всем-то она была недовольна, эта Милла. Но действительно: «пластюкс паддинг» не помог. Винный магазин открыли опять. Опять кто-то зарабатывал деньги, продавал людям яд, так что они спивались, заболели и устраивали аварии на дорогах.

Папа Эрк, однако, перестал ходить в магазин спиртных напитков. Одно это уже было хорошо. Так что кое-какие изменения всё же произошли.

Да, случилось и кое-что другое, конечно. Так всегда бывает. В продуктовом магазине Трущоберга появились, например, три полки у самой кассы с мелкими пластмассовыми игрушками.

Это была идея самого господина Якоппа Стюкса. Он по-прежнему сидел в своём замке и плёл козни.

Идея с пакетами сладостей оказалась неудачной. Это естественно, раз дети то и дело ссорились с родителями. Вот в этом смысле она и была неудачной. Но дети ныли и кланчили, и много пакетов всё-таки было продано. Однако недостаточно много.

Родители в большинстве своём ужасно сердились. А поскольку сладости портят желудок и зубы, грозились не брать больше детей в продуктовый магазин.

Надо было найти какой-нибудь другой способ завоевать детей. И родительские денежки.

Игрушки?!

Ну конечно! Три длинные полки с дешёвыми пластмассовыми игрушками у кассы в каждой продуктовой лавочке по всей стране!

Дети любят игрушки. И очень рады, когда им их покупают.

А если игрушки к тому же ещё и дешёвые, то и родители тоже бывают рады. Господину Якоппу Стюксу было, конечно, наплевать на то, рады люди или нет, главное ведь в том, чтобы увеличить продажу, а деньги потекут к нему сами.

Значит, надо было раздобыть дешёвые игрушки из пластмассы.

Если построить фабрику, это будет слишком долго. Лучше купить их за границей, **импортировать**. Такое импортное предприятие у него уже было. Называлось оно «Импостюкс» и могло импортировать товары из любой страны мира.

Например, из США, из далёкой Америки, где имеется множество пластмассовых игрушек.

США — это большая страна, это должны знать все дети.

Но управляет ею маленькая группка богатых дельцов, посылающих своих агентов воевать и убивать, разбойничать и грабить во всех других странах земного шара.

И если они делают игрушки, так игрушки эти всем на удивление. Чаще всего это пластмассовое оружие, пистолеты или автоматы, и выглядят они прямо-таки устрашающе. Или довольно большие военные машины, например бомбардировщики или танки с пушками.

Если они делают кукол, так это либо неестественно хорошенькие девочки, либо жестокие, весьма воинственные мальчики, вооружённые так, чтобы, опять же, они могли убивать.

Подобные игрушки американцы продают также детям и в своей собственной стране. Никакие дети в мире не настроены так на насилие и не имеют столько оружия, как дети в США.

И вот у кассы в продуктовом магазине Трущоберга появились три полки с отвратительными пластмассовыми игрушками. Чтобы это не казалось

таким вызывающим, среди них были также маленькие парусные лодочки и пожарные машины — среди всего игрушечного оружия и кукол-воинов.

Как всегда, Малыш встретился с мамой на площади, когда она возвращалась с работы. И как всегда, они пошли в магазин, чтобы купить еды.

В магазине тоже всё было как всегда. Покупатели бродили со своими проволочными тележками. Телевизионные камеры жужжали на потолке. Слышалась нежная музыка и песня:

— Покупай, тралля-ля, покупай, тралля-ля, покупа-ай!

Всё было как всегда, кроме трёх полок у кассы. Там в длиннющей очереди топтались мамы с детьми и папы с детьми. Все дети тянулись к пластмассовым игрушкам. Чей-то маленький ребёнок громко кричал:

— А я *хочу* пистолет! Я *хочу*!

— У нас нет денег, — уговаривала его мама.

Другой ребёнок взял маленький бомбардировщик и крепко держал его обеими руками. Папа вздохнул, заплатил в кассу и произнес:

— Прямо чертёнок, а не ребёнок!

Многие дети кричали и ссорились с родителями, а очередь между тем, извиваясь змеей, продвигалась к кассе. То один, то другой родитель набрасывался с руганью на кассиршу, крича ей, что у кассы нельзя класть игрушки. Вид у кассирши был расстроенный, она пыталась оправдаться:

— Вы же сами знаете, я тут не виновата!

У Малыша было множество игрушек дома, так что, откровенно говоря, он не нуждался в новых. Но раз всем детям вокруг него хотелось новых игрушек, так захотелось и ему. Должна же быть справедливость! И он протянул руку, чтобы взять маленького кукольного воина.

Но теперь мама Криспина была настороже и сейчас же положила куклу на место.

Тогда Малыш принялся кричать. Когда кричать он был уже не в силах, то заплакал. А как только надоело плакать, то надулся и стоял с хмурым видом.

Таким он пришёл и домой.

Милла спросила, что с ним случилось. Папа Эрк тоже захотел узнать, почему его сын такой надутый. Криспина была вынуждена рассказать обо всех отвратительных игрушках, выставленных у кассы в продуктовом магазине.

— Они что, рехнулись? отреагировала Милла.

— Зависит от того, как на это посмотреть, — ответил папа Эрк. — В США изготавливают вещи не потому, что они нужны, а потому, что владельцы фабрик хотят заработать побольше денег.

— Так и у нас, наверно, так же, — сказала Милла.

— Не везде, — отозвалась мама Криспина. — На фабрике, где я работаю, изготавливают ротометры. Наверно, они приносят пользу. Так я думаю. Но я никогда их не видела...

— О чём ты говоришь? — удивилась Милла. — Мы же говорим об игрушках в продуктовой лавке! Неужели вы позволите творить всё, что им вздумается? Мы должны что-то предпринять!

— А что мы можем? — спросил папа Эрк.

Ему никто не ответил, поэтому он добавил:

— Послушай-ка, дружок! Надеюсь, ты не собираешься выкинуть какой-нибудь новый номер?

Но как раз нечто в этом роде Милла и задумала.

Начала она с того, что стала искать чулки. Не свои, а мамины, и притом старые, пришедшие в негодность, которые давно уже нужно было выбросить. В доме их накопилась целая куча, потому что в теперешние времена они служили день-два, не больше.

Она выбрала четыре самых тонких и не очень рваных. И сунула их в карман. Потом нежно улыбнулась папе Эрку:

— Мы, ну ты знаешь, наша компания, хотели бы сегодня вечером подышать свежим воздухом. Мы давно ещё собирались на Лесную опушку. Тебе бы не хотелось нас туда отвезти?

— Почему же? С удовольствием, — оживился папа Эрк. — Я как-то чувствую себя спокойнее, когда вы там. Природа действует на детей благотворно, и, главное, вы не сможете там накуролесить.

— Значит, ты захватишь нас у Центра в семь часов? Очень мило с твоей стороны.

После этого она позвонила Луке.

— Ты видел новые игрушки в продуктовой лавочке? — спросила она.

Да, чёрт возьми! — ответил Луке. — Весь ужас в том, что мои сестрёнки и братишки, все малышата, тоже их видели.

— Ну и как, получили они что-нибудь?

— Ещё бы. Приставали и канючили, пока им не купили пистолеты и автоматы и всякое другое. Всё это им уже надоело и теперь валяется по углам.

— Это хорошо, — серьёзно сказала Милла.

Мамаша не выносит их нытья. Никак не может им отказать.

Это просто распрекрасно, — продолжала Милла. — Захвати все свои штучки и будь у лавочки в восемнадцать пятьдесят пять. Сейчас больше ничего не могу тебе сказать, потому что папа думает, мы опять что-нибудь учудим.

— А мы разве не учудили?

Ещё как! — заключила Милла и положила трубку.

Луке разобрало любопытство. Милла с удовольствием посмотрела бы на его лицо, но экран видеотелефона был, к сожалению, разбит. По телефону в семействе Хэггов можно было лишь слышать голос.

Часы в продуктовом магазине Трущоберга показывали без одной минуты семь. Последний покупатель только что расплатился и ушёл, нагруженный тяжёлыми сумками.

Кассирша вытащила ящик из своей кассы и стала считать деньги. Согласно компьютеру там должно было быть 56 тысяч крон и 50 эре. Она не беспокоилась, обычно всё сходилось.

В тот момент, когда она дошла до 52 тысяч, в стеклянные двери ворвались четверо грабителей в масках. В руках у них было оружие, а на лица натянуты чулки.

Двигались они очень быстро и уверенно.

Один из грабителей подошёл с пистолетом к кассирше. Другой направил автомат на дверь в складские помещения, на случай, если вздумает войти заведующий. Двое других подбежали к полкам с хозяйственными товарами и схватили несколько мешков из чёрного пластиката для мусора, а потом направились к кассе.

Грабитель с автоматом произнёс грубым голосом.

— Руки вверх!

Из склада вышел заведующий. Сначала на лице его отразилось удивление, а потом огорчение и озабоченность.

Грабитель с автоматом сказал громко:

— Без глупостей! Тот, кто пошевелинётся, будет убит!

Заведующий остановился и стоял совершенно тихо,

глядя на то, что происходит. Кассирша тоже не испугалась, как можно было бы ожидать. Она рассердилась и, со стуком захлопнув ящик кассы, сказала:

— Здесь вы денег не получите. Только через мой труп.

Но было ясно, что грабителей интересовали не деньги.

Те двое, что взяли мешки, начали заполнять их игрушками с полок у кассы.

Грабитель с пистолетом кивнул грабителю с автоматом, чтобы тот ему помог. Полки быстро опорожнялись. Три мешка уже были заполнены, и вскоре ничего на полках не осталось.

Те трое схватили свои мешки и бросились бегом к выходу.

Они поспешно завернули за угол и ринулись прямо через площадь, по дороге срывая свои чулочные маски. Потом побросали мешки в машину папы Эрка, ожидавшую на стоянке, прыгнули следом сами и хлопнули дверцами.

— Что это такое? — с ужасом спросил сидевший за рулём папа Эрк.
— Что вы опять натворили?

— Поезжай! — закричал в ответ Бюссе.

Это был грабитель с автоматом.

— А где же Милла? — ещё больше забеспокоился папа Эрк.

— Поезжай, поезжай! — закричали все хором.

У папы Эрка закралось жуткое подозрение. Но если дело обстоит так, как он заподозрил, то он должен быть рад, что Миллы здесь не было. Кроме того, он и сам сообразил, что надо попытаться как можно быстрее отъехать от Торгового центра.

Он нажал на газ, и машина сорвалась с места.

Грабитель с пистолетом остался в магазине, чтобы дать товарищам возможность скрыться.

— Так вы не хотите забрать деньги? — Заведующий не был поражён.

— Нет, — наотрез отказался грабитель.

— Тогда надо будет запереть их в сейф.

Кассирша взяла ящик от кассы и пошла в складское помещение. Там деньги находились в полной сохранности.

— Слушай, Милла... — начал заведующий.

— Как! — воскликнул грабитель. — Неужели ты меня узнал?

— Конечно, а ты как думала? — усмехнулся заведующий. — Не так много найдётся людей, способных до этого додуматься. А куда девались твои приятели с игрушками?

Милла сняла с лица чулок. Он щекотал нос и ресницы. Так приятно было без маски.

— Поехали на Лесную опушку. Там они разведут костёр и сожгут весь этот хлам, если ты хочешь знать.

— Пластмассу жечь нельзя, — рассудительно сказал заведующий. Когда она горит, то выделяет газ. Это опасно.

— Ну, когда эти штучки лежат здесь на полках, так это ещё опаснее, — возразила Милла.

Она протянула раскрытую руку с пистолетом.

— Посмотри! — сказала она. — Он же совсем как настоящий!

Да. Что-что, а оружие и всякое такое американцы мастера изготавливать.

— Ну а как ты-то можешь? — укоризненно сказала Милла. — Выкладывать их перед детишками! И главное, у кассы, где обязательно все проходят! Как тебе-то не стыдно!

Заведующий присел на стул кассирши и стал раскачиваться взад и вперед. Вполне вероятно, что ему и в самом деле было стыдно.

— Ты собираешься звонить охранникам? — спросила Милла.

— Нет, зачем. Теперь это, наверно, бесполезно, тем более что игрушки уже сгорели. В конце концов совсем неплохо, что мы от них отделались. Я с самого начала был против этой затеи.

Его слова удивили Миллу. Если он заведующий, у него должно быть другое мнение. Но у каждого человека свои странности.

— Моя жизнь сложилась не совсем так, как мне бы хотелось, — сказал заведующий. — Когда я нанимался здесь на работу, они спросили, каменное у меня сердце или нет. Потому что таково было их условие. И я сказал, что да, сердце у меня из камня. Но на самом деле оно у меня не каменное, и в этом мой недостаток. Так что работу я фактически получил с помощью обмана.

Вид у него был несчастный. Да, в магазине он и всегда выглядел не на месте. Милле стало его жалко. Она не знала даже, что сказать.

— Ну, так я пошла, — сказала она наконец.

— Счастливо, — отозвался её собеседник.

Он протянул ей пластмассовый пистолет, положенный ею на кассовый счётчик.

— Захвати его и сожги тоже, — посоветовал заведующий.

Милла взяла пистолет и побежала к Лесной опушке. Там стоял едкий, удушливый запах, он распространялся всё дальше и дальше.

Под деревом с шалашом сидела вокруг дымящего костра вся её компания вместе с папой Эрком. От пластмассовой дряни осталась одна лишь отвратительная пузырящаяся каша.

Мы здесь ужасно за тебя боялись, — встретила её Лонга. — Думали, тебя схватили.

— Ну, её схватить не так-то легко, — возразил Луке. — Она всегда сухой из воды выйдет.

Но у папы Эрка вид был мрачный.

— Вооружённое ограбление, это надо же! — подавленно сказал он. — Никогда бы не подумал, что ты заставишь меня в нём участвовать. Какое несчастье, меня вот-вот могут объявить преступником.

Милла бросила свой пистолет в огонь и смотрела, как он расплавился, а потом в виде ядовитого дымка испарился.

Потом они уселись в кружок, наблюдая за тем, как в сгущающихся сумерках затухает костёр. Было приятно чувствовать себя членом такой дружной компании. Приятно чувствовать, что у тебя есть друзья.

И делать вместе всякие важные дела.

На сей раз они могли не бояться охранников, уже одно это было хорошо. Но вначале они не знали, как всё обойдётся.

То, что необходимо делать, надо делать. Даже если после твоих действий тебя станут преследовать все охранники мира.

Такое у них было иногда чувство.

Потом можно, конечно, поразмышлять, был ли прок от того, что они делали. Компания их была всё же очень маленькая. А надо бы, чтобы все сообща занимались такими делами. Вот тогда можно было бы за короткий срок изменить весь мир.

Почему все не делали таких дел сообща?

Разве можно ожидать пользы от того, чем занимается такая крохотная компания?

Вот как надо ставить вопрос.

Об этом они размышляли, сидя перед костром и глядя на затухающий огонь.

Наступила ночь, стало темно, и тогда они поехали домой через пустой, безлюдный Трущоберг. Перед Торговым центром Эрк остановил машину.

— Что это за звуки такие? — спросил он.

В воздухе дрожал и трепетал какой-то странный звук, хрупкая и печальная мелодия, казалось, она доносится откуда-то из космоса, от самих звёзд.

На крыше продуктового магазина, на фоне тёмно-синего неба смутно виднелась маленькая чёрная фигурка. Это был заведующий, он сидел там и тихонько играл на трубе, и мелодия им показалась очень грустной.

8

Приятель из кухонного шкафа

Малыш Хэгг был несчастным, одиноким ребёнком. В особенности сейчас, когда его выгнали из детского садика. Не потому, что он там со всеми ссорился, а потому, что садик стал очень дорогим. Политикам срочно потребовались деньги, чтобы помочь господину Якоппу Стюксу купить ещё одну фабрику. Поэтому они уменьшили садик наполовину. А Малыша из садика выгнали.

Теперь он сидел дома один. Освободил себе местечко в одном углу кухни. И сидел там и размышлял о жизни и о себе. Да и было о чём подумать.

— Бедный я, одинокий ребёнок, — сказал он самому себе.

Звучало это хорошо. Как-то даже торжественно.

— Бедный я, одинокий ребёнок, — повторил он с удовлетворением.
— Что же мне теперь делать?

В книжках он читал, что несчастные, одинокие дети обзаводятся обычно вымышленными друзьями. И в самом деле, что ему остаётся делать?

Интересно, как же он выглядит, такой вымышленный друг и приятель?

Прежде всего, он должен быть поменьше Малыша, но только чуть-чуть. Зато сильнее, а то как же он справится, когда придётся действовать.

Да, именно — выдуманный друг, который будет делать разные разности!

Нужно ему, конечно, и имя. Буссевилле Карлзон. Хитро написанное с «зе», просто чтобы выглядело потаинственнее.

Уж что-что, а буквы Малыш знал хорошо. Он так и видел их перед собой: К-а-р-л-з-о-н.

И произнёс их вслух:

— Буссевилле Карлзон!

Тут в шкафчике для ведра и швабры что-то зашуршало.

Дверца открылась, и из шкафчика вышел маленький человечек.

Он был немножко поменьше Малыша, но зато пошире в плечах. И казался гораздо сильнее его. Нос у него был тупой, а лицо в веснушках.

Он перелез через сломанный счётчик и отбитую вазу с голубыми полосками и уселся на отслуживший свой век транзисторный приёмник. Сидел и внимательно рассматривал Малыша.

— А родители у тебя есть? — произнёс он наконец.

— Мама и папа, — сказал Малыш. — Мама целый день на фабрике.

А папа бегает, ищет работу.

— А сёстры или братья?

— Милла, сестра. Только она мне никогда не разрешает играть с ней и её приятелями.

— Считают, что ты слишком мал? — догадался Буссевилле Карлзон.

— Ну да! Так и живём. Им-то что, у них масса всяких интересных занятий. Идут, например, в Рощицу, а для меня это слишком далеко. Ты знаешь, где Рощица?

— Ещё бы. Ведь во всём Трущоберге одна-единственная рощица. Хорошая рощица, с настоящими деревьями и живыми цветами. А кто-то шибко догадливый построил там шалаш, высоко на дереве, в самой кроне.

— Это они! — сказал Малыш. — Хотелось бы мне посмотреть их шалаш! Только меня туда не пускают.

Буссевилле Карлзон серьёзно на него взглянул и кивнул. Когда он становился таким вот серьёзным, то лицо у него почему-то всё сморщивалось.

— Понимаешь, — сказал он, — я тебя так выпрашиваю потому только, чтобы узнать, нужен я здесь или нет. В теперешние времена многие дети хотят иметь вымышленных друзей. И можешь себе представить — я как раз из них самый лучший. Так что я буквально нарасхват, хоть разорвись, не сочти мои слова за хвастовство.

Он опять огляделся вокруг и сморщил свой тупой нос. Лицо его стало ещё более морщинистым.

— Слушай, я уже говорил тебе, здесь у вас ужасный беспорядок. Я же побывал и в более богатых домах, скажу тебе...

Малыш испугался, что Буссевилле Карлзон вернётся к себе в шкафчик для ведра и швабры и исчезнет навсегда. Надо его задержать. Малыш заторопился.

— Постой! — сказал он. — Подожди! Не обращай внимание на то, что вокруг... У нашей соседки Бетты Линдблум скоро будет ребёнок. Вот тогда у меня будет с кем поиграть. Ты не можешь остаться у меня до тех пор?

Буссевилле Карлзон почесал нос пальцем и задумался.

— Хм, — произнёс он. — Летом, конечно, у меня дел поменьше.

— А ты ведь можешь, скажи?

— Там посмотрим, — рассудительно сказал Карлзон. — Но если я останусь, то нельзя допустить, чтобы я жил в шкафу на кухне. Там и пахнет как-то не так. Придётся тебе освободить ящик с игрушками, там я, пожалуй, и поселюсь.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Малыш. — Сейчас мы всё устроим.

Он вскочил на ноги и первым побежал в свою комнату. Буссевилле Карлзон последовал за ним, немного медленнее, зато с большим достоинством.

Все свои старые ломаные игрушки Малыш вывалил прямо на пол.

— Поверни его на бок, — посоветовал Буссевилле Карлзон. — Тогда он больше будет походить на домик. Не такой фешенебельный, но пока сойдёт.

Вечером маме Криспине показалось, что в комнате у Малыша беспорядок стал ещё больше, чем обычно.

— Мог бы уж сложить все игрушки в свой ящик, — заметила она.

— Не получается, — возразил Малыш. — Там теперь будет жить Карлзон.

— Станный он всё-таки, парень-то наш, — вздохнул папа Эрк.

Никто не верил в Буссевилле Карлзона. Ни мама Криспина. Ни папа Эрк. И меньше всех Милла.

Никто из них и не увидел бы никогда и не услышал Буссевилле Карлзона. Глупо, конечно, с их стороны, поскольку он должен ещё совершить весьма удивительные действия.

9

Железный коготь

Маме Криспине исполнялось тридцать четыре года. Малыш решил во что бы то ни стало сделать ей подарок.

Он стал чаще наведываться в Универмаг — посмотреть на одно, на другое. Теперь он мог себе это позволить, раз уж всё равно ему не разрешалось ходить в детский сад. Здесь было из чего выбрать подарок.

Больше всего времени он проводил в Большом универмаге. Это был и в самом деле самый большой магазин, из чего он заключил, что и самый хороший.

Вообще-то Криспина нуждалась в новом комбинезоне для работы. Но дирекция универмага считала, что фабричным работницам совсем не обязательно покупать себе комбинезоны. Поэтому во всех витринах красовались лишь флаконы с духами и ночные рубашки да ещё губная помада и электрические грилли.

А на плакатах было написано:

**Если ты её любишь, то подари ей её мечту — ночную рубашку. —
350 крон.**

**Докажи ей свою любовь при помощи электрического грилля. —
3500 крон.**

Идея соединить любовь и покупки не была нова. Коммерсанты открыли её сотни лет тому назад, когда ещё существовало множество мелких торговцев со своими небольшими магазинчиками.

В настоящее время торговцев было уже не так много. А те, что существовали, были настоящими гигантами и владели почти всем в стране. И конечно, они были в восторге, если люди выказывали свои чувства, покупая подарки, вместо того, например, чтобы обнять друг дружку или помочь, когда надо.

Нет, подарки — и никаких гвоздей.

Все подарки были жутко дорогие. Малыш попросил денег у папы Эрка, но у того у самого денег не было.

И теперь Малыш стоял перед витриной с каким-то противным стариком. У старика был строгий взгляд и кустистые брови. Он глядел прямо на Малыша, протягивая к нему руку и показывая на небо большим указательным пальцем.

Под пальцем было написано:

**Твоя мать нуждается в твоей любви.
И в новой электрической ногтечистке
«Маникостюкс». — 35 крон.**

Ногтечистка была самым дешёвым из всех подарков в Большом универмаге. Но даже 35 крон у Малыша не было.

Размышляя, каким образом он мог бы добыть себе деньги, он перешёл в детский отдел. Там, естественно, не было подарков для мамы, зато было на что посмотреть.

Гвоздём сегодняшнего дня были «крутые» брюки.

Небольшая группа манекенов из пластмассы изображала весело играющих детей. Посреди комнаты стояла кукла величиной с Малыша. На ней были крутые брюки. И у всех детей были такие же или похожие брюки. На заборчике, окружающем манекены, было сказано:

У них так много товарищей, потому что на них «крутые» брюки.

«Вот бы и мне такие!» — подумал Малыш. Но «крутые» брюки стоили 300 крон. Папа и мама ни за что бы не согласились их купить. Тогда бы всей семье пришлось голодать целую неделю. Так что о «крутых» брюках не могло быть и речи.

Огорчённый, Малыш возвратился в отдел подарков для мам. Там его отыскала Милла, прибежавшая за вечерними газетами для родителей.

— Какого беса ты здесь делаешь? — возмущённо спросила она.

— Ищу кое-что. Я должен купить маме подарок ко дню рождения.

— Думаю, придётся тебе выкинуть это из головы.

— Тогда она не будет знать, что я её люблю, — заупрямился Малыш. — А я её люблю.

— Конечно, никто в этом не сомневается. И она это знает.

— Но я хочу доказать!

Милла удивлённо посмотрела на своего брата. То, что он сам любит получать подарки, она знала. Но что он хочет сделать подарок кому-нибудь другому, — об этом она никогда раньше не слышала.

— Чушь собачья! — сказала она. — Ты что, собираешься тратить денежки на Якоппа Стюкса и этим показать, что любишь маму? Он-то обрадуется, а вот она едва ли.

— Почему? — удивился Малыш.

— Ей будет приятнее, если ты этого не сделаешь. Я же не собираюсь ничего покупать. Испеку торт — и все дела. А теперь пошли домой. И пожалуйста, не забивай себе голову глупостями.

Да, пришлось Малышу оставить глупости, поскольку денег у него всё равно не было. Об этом он долго раздумывал.

Милла вообще считала, что вся возня с подарками — самая настоящая ерунда. А сам он думал, что подарки необходимы. Об этом же было сказано на всех абсолютно рекламах и объявлениях.

После того как Малыш научился в детском саду читать, его вдруг стали интересовать все вывески. Буквы на них были крупные, и их было легко читать. И сами буквы были настоящие, печатные. Малыш полагал, что всё, что напечатано, истинная правда.

Да и многие взрослые считают, что так оно и есть.

Но теперь вопрос был в том, кто прав — он или Милла? Он должен был это разузнать. И единственно, кого он мог спросить, был Буссевилле Карлзон.

Поэтому на следующий день, когда они сидели одни в кухне, Малыш его об этом спросил.

— Хм, — произнёс Буссевилле Карлзон в задумчивости и сильно сморщил лицо. — Хм, хм, хм...

— Нет, ты скажи, как ты считаешь!

— Вот что. Дело обстоит так. Денег у тебя нет. Значит, купить ты ничего не можешь. А красть — слишком большая глупость. Ты, наверно, тоже так считаешь?

— Конечно, — не задумываясь, ответил Малыш. — Никогда бы не пришло в голову. Или как?

— Не может быть и речи, — подтвердил Карлзон. — Мы с тобой честные люди, и ты и я. Поэтому мне кажется, ты должен сделать, как Милла, — испечь кекс. Это единственное, что мы можем с тобой придумать.

— Откуда ты знаешь, что она собирается испечь торт?

— Я знаю всё! — таинственным шёпотом ответил Карлзон.

Поскольку он знал всё, знал он, разумеется, и о том, как пекут кекс. Но это было известно и Малышу.

Берут 2 яйца и 2 чашки песку. Разбивают яйца в миску и выбрасывают скорлупу. Потом берут сбивалку и взбивают вместе песок и яйца в миске, пока они не станут пышными.

Потом включают печку, чтобы она нагревалась.

Берут 2 чашки пшеничной муки и 2 чайные ложки дрожжевого порошка и смешивают в миске, прибавив 1 чашку воды. И взбивают тесто сбивалкой, пока оно не станет гладким и красивым.

После этого в форму кладут кусочек масла и ставят в печку. Тогда масло там растает.

Весь смысл в том, чтобы расплавленным маслом помазать всю форму. Если затем туда вытряхнуть размельчённый хлеб и потрясти кругом, то он прилипнет ровно по всей форме.

Ну и наконец, можно вылить туда тесто.

Самая трудная работа сделана. Остаётся лишь подержать форму в печке при температуре 200°. Через полчаса или через три четверти её вынимают из печки, ждут минуту, форму переворачивают и выкладывают кекс на тарелку.

Так делается кекс.

Ты, конечно, думаешь, что с кексом произошло бог знает что. Думаешь, может быть, что Малыш споткнулся и вытряхнул муку на себя и на Буссевилле Карлзона? Или что он уронил корзинку с яйцами, и все яйца разбились?

Или что мальчик забыл кекс в печке, так что он сгорел и превратился в густой, чёрный дым и соседи вызывали пожарных?

Ничего такого не случилось.

Поскольку сказка наша правдивая, мы должны придерживаться правды. А правда такова, что Малыш испёк распречудесный кекс.

И был он золотисто-жёлтого цвета. И нисколько не липкий. И пахнул невероятно вкусно.

Малыш и Буссевилле Карлзон сидели и смотрели на него, пока он остывал. Малыш очень гордился своим изделием. Но Карлзон, как всегда подозрительный, спросил:

— Слушай, а вдруг у него вкус перца?

— Почему это у него должен быть вкус перца? — возмутился Малыш. — В нём и крупинки не было, а ты говоришь!

— Никогда нельзя быть ни в чём уверенным, — назидательно сказал Карлзон. — Надо бы нам всё-таки попробовать.

Не можем же мы подарить твоей мамаше кекс, у которого вкус перца.

И тут он взял ножик и отрезал себе кусочек кекса. И Малыш сделал то же самое. Мама Криспина ведь ни за что не захочет съесть весь кекс сама, так что в конце концов не важно, если там не будет хватать двух кусочков.

— Ну? — спросил Малыш. — Каково?

— Перца в нём не чувствуется. Таким кексом можно угостить хоть принца!

Он отрезал себе ещё кусочек. И Малыш тоже взял себе кусочек, просто справедливости ради.

— И кстати о принцах, — сказал Буссевилле Карлзон, — вспомнил я тут одну сказочку. Не знаю только, вдруг ты её слышал...

Малыш очень любил сказки. Всем ведь вечно было некогда читать ему сказки. И всё-таки немножко ему удалось послушать и немножко почитать самому. А уж приобрести вымышленного друга, который мог бы ему рассказывать сказки, — об этом он не смел и мечтать.

И Карлзон начал рассказывать сказку о королевском сыне, убившем злого рыцаря Порциуса.

Сказка была ужасно интересная. Королевского сына и его товарища по всему лесу преследовали одетые в чёрное шпионы. Спасти их удалось

лишь в пещерах Чёрной горы. Там им повстречался один кузнец, сумевший выковать отличный меч.

Кузнец отдал меч королевскому сыну, чтобы тот убил злого рыцаря.

Но попасть в замок рыцаря было не так-то просто. Замок стоял на скале посреди Чёрного озера. И им нужно было через это озеро перебраться, чтобы убить злого рыцаря.

В чём выражалась злость рыцаря, было не особенно понятно. Вполне возможно, что он убивал детей или делал что-то другое, — то, что обычно делают злые рыцари. Так или иначе, а своей злостью он отравлял всё кругом, цветы и траву.

А королевский сын и его товарищ пошли дальше. По пути им попала лодка, а ветер помог им переправиться через озеро. Они забрались на гору, к замку злого рыцаря — и сразу же были взяты в плен!

Чёрные шпионы ввели их в покои злого рыцаря. И увидели наконец, почему рыцарь был злой. У него были ужасные глаза и отталкивающее лицо. И лишь одна рука. Вместо другой руки у него был железный коготь.

Парень, у которого такой страшный вид, естественно, должен быть злым, — это и ребёнку понятно.

Но в тот момент принцу не удалось убить рыцаря. Потому что рыцарь забросил их меч глубоко в ров, окружающий замок. А королевского сына и его друга бросил в тюрьму. И теперь они сидели там, ожидая своей гибели от голодной смерти.

Как только они получили свой меч обратно, дело немного пошло на лад. Королевский сын взял в руку меч и разрушил замок. Потом побежал в покои злого рыцаря и проткнул мечом его злобное сердце.

И они оттуда поспешили уйти.

А за их спиной весь замок и всё, что было кругом, рухнуло. И все чёрные шпионы тоже скорее всего погибли.

Злые люди должны умереть, вот в чём был смысл сказки.

А принц вернулся домой, к папаше-королю, и был встречен с распростёртыми объятиями. И выпало ему на долю гулять отныне с папашей-королём по саду среди роз и быть счастливым.

Король был счастлив. И все другие тоже были счастливы. Потому что не было теперь безобразного рыцаря, на которого было противно глядеть.

— Ах и сказочка, прямо первый сорт! — высказался Буссевилле Карлзон.

Малыш, как сказано, обожал сказки. В то время ему понравилась бы любая сказка. И он вполне мог согласиться, что сказочка действительно хорошая.

Пока Карлзон рассказывал свою сказку, с кексом произошло нечто невероятное. Он кончился.

Малыш с удивлением смотрел на пустое блюдо.

— Ты съел весь кекс! — сказал он.

— Ну да, ты съел больше, — возразил Карлзон. Некоторое время прошло в спорах о том, кто съел больше.

Хотя теперь, собственно, всякие споры были бессмысленны. Главное — кекса не было и они в срочном порядке должны были подыскать для подарка что-нибудь другое. Малыш думал так, что из глаз искры летели. Наконец он сказал:

— Ты знаешь, что за штука такая — ротометр?

— Я знаю всё, — с гордостью ответил Карлзон.

— Ну так говори же!

— Изволь. Слушай. Ротометр — это водомер. Есть в каждом доме нашего города.

— И здесь тоже?

— А как же. В подвале, где сходятся все трубы. — Можешь мне его достать?

— Я могу всё, — повторил Карлзон, — подумать только, как ты до сих пор этого не понял?

Малыш потянул Буссевилле Карлзона в лифт, потом обежал вместе с ним весь дом и наконец спустился вниз, в подвал. Он сам слышал: единственное, что хочет мама Криспина, это увидеть ротометр. А вот теперь все увидят его подарочек к дню её рождения!

В подвале по всем стенам тянулись трубы. Карлзон осмотрел их изучающим взглядом и показал рукой.

— Вот там!

На одной из труб, посередине, было укреплено нечто похожее на часы, со стрелками, циферблатом и всем прочим.

Они сходили в комнату, где в своё свободное время жильцы занимались разной разностью, и взяли несколько инструментов. Карлзон орудовал отвёрткой по одну сторону, а Малыш — по другую. Через несколько минут они отвинтили гайки.

Их, правда, окатило водой, зато удалось взять с собой в лифт всю штукювину целиком и подняться с ней на тридцать первый этаж.

— Теперь надо смастерить пакет! — озабоченно сказал Малыш.

— Только не я, — поспешил Буссевилле Карлзон. — После обеда я должен поспать. Знаешь, ты парень довольно-таки суетливый, даже для меня, не в обиду будь сказано.

И он исчез в ящике для игрушек. Вскоре оттуда послышался звучный храп. А Малыш уселся и стал заворачивать подарок в красивую бумагу, а потом обвязал его тесьмой.

После этого он задумался: куда же спрятать свёрток на ночь, чтобы он не пропал?

В квартире не имело смысла. Лучше всего положить его в укромное местечко на площадке для игр. Там мама Криспина ни за что не догадается поискать, если ей вдруг захочется узнать, что же она получит к дню рождения.

Малыш взял свёрток и спустился на улицу, чтобы спрятать его на площадке. Он хотел вернуться домой. Но оказалось, что дверь в дом никак не открыть.

За стеклом входной двери было полно воды.

10

Наводнение

Когда Милла пришла из школы, перед дверями дома № 308 по Бетонной дороге собралось довольно много детей.

— Пропустите-ка! — попросила она. — Чего это вы все здесь столпились?

— Мы не можем войти, — ответили дети. — Весь дом заполнен водой.

Это было не совсем так. Ещё не весь дом был заполнен водой. Но вода поднималась. Она уже лилась из одного окна, приоткрытого на третьем этаже...

— А почему наш дом заполнен водой? — поразилась Милла.

Никто не знал.

Подходили всё новые и новые люди. Вернулся Эрк с биржи труда. Пришла с работы Криспина. И ещё многие другие подошли и остановились у дверей.

Теперь вода лилась уже из открытого окна на десятом этаже.

— Подумать только, что делается, — а вдруг они там в доме утонут? — сказал кто-то.

Не останутся же они в квартирах, если подойдёт вода. Они будут постепенно подниматься всё выше и выше.

— Пойду вызову пожарную команду — сказал Эрк.

Все сочли его решение разумным. Это, конечно, не пожар, скорее наоборот, но обычно именно пожарная команда приходит на помощь, когда у людей что-нибудь стрясётся. Так что Эрк пошёл звонить.

Ну, за пожарной командой дело не стало. Вскоре послышалось завывание приближающихся сирен. У дома № 308 по Бетонной дороге развернулись и встали ярко-красные пожарные машины. Вода лилась уже из двух открытых окон на двадцатом этаже.

Начальник пожарной команды в униформе с сияющим золотым шлемом был высок и строен. Команды он отдавал спокойно и решительно, и люди его сразу же принимались за дело.

Тем временем вода поднялась до тридцать первого этажа.

Ты, который разбираешься в подобных делах, возможно, удивляешься, почему это большой дом не взорвался под напором такой огромной массы воды.

А объяснялось это тем, что тот дом был построен первым, когда строительная фирма «Цементостюкс» ещё только начала возводить Трущоберг. Дом стал в некотором роде показательным. Множество иностранцев приходили и рассматривали его в самом начале, с тем чтобы построить собственные Трущоберги в своей стране.

Поэтому дом строился хорошо и добротно. Он был весь сложен из стюксовского радиального бетона и армирован вдоль и поперёк во всех направлениях. Так что это не была обычная халтура, а иначе он бы в один миг развалился.

А сейчас дом был невредим и целёхонек.

Малыш и мама Криспина всё же нашли друг дружку в суматохе. Они стояли совсем близко к начальнику пожарной охраны, рассылавшего своих молодцов то туда, то сюда. Потом те возвращались и докладывали, что и как.

Вдруг начальник сказал:

— Теперь мы знаем, что произошло. Кто-то стянул водомер.

— А что это за штука? — спросила Криспина.

— Это такой прибор внизу, в подвале, — ответил начальник. —

Обычный маленький ротометр.

— Как! Ты сказал — ротометр?

— Ну да. Он укреплен на трубе...

— Ты хочешь сказать, что ротометр — это водомер?

— Конечно. Вопрос только в том, куда он делся...

Казалось, мама Криспина забыла, что происходит вокруг неё. Она была довольна. Да, она была так довольна, что обняла начальника и поцеловала его в губы.

— Хм, — сказал начальник. — Очень приятно. Но сейчас у нас нет для этого времени.

Малыш собирался подождать со своим подарком до следующего дня, но теперь он передумал. Насколько он понимал, эта штука требовалась немедленно.

Он бросился к площадке для игр и забрал свой свёрток. На обратном пути он разорвал бумагу. А потом протянул прибор маме Криспине.

— Вот как он выглядит, — сказал он.

В тот же миг начальник увидел прибор. Он схватил его и, подняв вверх, закричал:

— Вот он! Наш маленький герой нашёл его! Сейчас мы мигом наведём порядок!

Он немедленно послал вниз, в подвал, водолазов, чтобы поставить прибор на место. Несколько минут прошло в напряжённом ожидании. Вода больше не прибывала. Перестали переливаться струи из окон верхних этажей. Потом стало видно, как постепенно, с этажа на этаж, спадала вода.

Люди, оказавшиеся в это время в доме, собрались на крыше. Как только они увидели, что спасены, они стали махать руками и кричать ура. К вечеру вода ушла из всего дома. По всем улицам неслись и журчали ручьи. Трудно было представить себе, что в одном доме могло поместиться столько воды. И никогда улицы в Трущобеге не были такими чистыми и опрятными, как после этого вечера.

Малыш только-только собрался войти вместе с мамой Криспиной в дом, как отворились двери. И тут вдруг рядом с ним появилась Милла и схватила его за рукав.

— Слушай! — сказала она. — Я желаю знать, как это всё случилось.

— Мне хотелось подарить его маме на день рождения, — сказал Малыш.

— Так что без тебя всё-таки дело не обошлось!

— Да это и не я вовсе. Это все Карлзон.

— Карлзон?

— Да, Буссевилле Карлзон, я же тебе говорил.

— Ну, знаешь ли! Нам не поздоровится, если кто узнает, что произошло на самом деле. Не вздумай никому рассказывать, слышишь, ни

единой живой душе о том, что ты натворил... Я хотела сказать, что натворил Буссевилле Карлзон. Обещай мне!

Малыш с удивлением смотрел на сестру. Сначала она несколько не верила в Буссевилле Карлзона. А теперь запрещает ему рассказывать о том, что сделал Карлзон.

Нет, никак в ней не разберёшься.

11

Никто не спросил Малыша

Милла и Лонта сидели в шалаше, поджидая Луке и Бюссе. Мальчики остались в школьной мастерской, они возились с каким-то старым телевизором, но обещали прийти, как только освободятся.

Так хорошо было сидеть в шалаше, высоко на дереве, в самой глубине Рощицы. Казалось даже, что воздух здесь чистый и хорошо пахнет. Грохот моторов на шоссе доносился сюда всего лишь как слабый шум. Можно было даже внушить себе, что кругом тишина.

Девочки лежали на животе, глядя вниз сквозь жерди шалаша. Солнце освещало цветущий вереск и ободранные кустики черничника.

Внезапно в лощинке у корней дерева показался маленький лисёнок. Он уселся в черничнике и огляделся кругом. Лонта, раскрыв рот от удивления, показала на него Милле. Милла вытащила камеру из кармана. И успела снять один кадр, прежде чем лисёнок встрепенулся и исчез между деревьями. Эту камеру Луке и нашёл на автомобильном кладбище. Интересно было узнать, работает она или нет.

Она работала. Через минуту появилось изображение — вот лисёнок, отчётливо и ясно видно, как он сидит себе посиживает в черничнике.

Милла и Лонта долго лежали, любясь фотографией.

В их Трущоберге жила, значит, живая лисичка! Да, мир действительно удивителен и непонятен.

Но сейчас им хотелось кое-что показать Луке и Бюссе.

Милла ещё сидела со снимком в руке, когда послышался скрип лестничных ступенек под шалашом. Но поднимались к ним не мальчики. В дверном проёме возник круглый чёрный пластмассовый шлем.

Охранник! В их Рощице! Это было нечто новое.

Девочки в испуге уставились на нечеловеческую пластмассовую голову. Поднялась чёрная рука и приоткрыла щиток у шлема. За ним обнаружилось совершенно обычное лицо совершенно обычного человека лет тридцати. Голубые глаза оглядели внутренность шалаша.

— Это вы сами построили? — строго спросил охранник.

— Да, — отозвалась Милла.

— Разве вам не известно, что нельзя играть тем, что ты сделал сам?

Надо играть только теми вещами, которые вами куплены.

— Но мы же купили пилу и молоток, — попыталась оправдаться Милла. — То есть мы ими построили шалаш.

— Вот как?

Одно мгновение его голубые глаза казались задумчивыми. Потом он сказал:

— Так или иначе, а его нужно убрать.

— Как! — закричала Лонга. — Неужели вы хотите разорить наш шалаш?!

— Да, и всю рощу тоже надо будет разорить, — невозмутимо ответил охранник. — И вам надо побыстрее отсюда убираться, а то придут машины. И тогда пеняйте на себя, они ведь будут валить все деревья подряд.

Милла совсем забыла про свой страх. Забыла, что при виде чёрной пластмассовой головы любого человека пробирает озноб. Сейчас она испытывала лишь удивление и гнев.

Неужели вы срубите деревья в нашей Рощице? Рощица-то ведь всего одна и есть! Но зачем?..

Затем, что так решило акционерное общество. Земля здесь принадлежит «Инвестюксу». Акционерное общество вынесло решение, значит, здесь будут строить, — не знаю, правда, что именно.

— А как же все наши деревья! — воскликнула Милла. — Что будет со всеми нашими деревцами!

Тут человек в шлеме даже улыбнулся.

— Об этом акционерное общество тоже подумало. Из деревьев оно сделает нужные вещи для детей. Какие-то уж очень хорошие, сами увидите.

— Что же это такое?

— Чего не знаю, того не знаю, — увернулся охранник. — Нет у меня полномочий вести тут с вами всякие дискуссии. Ещё до вечера чтоб ни одной живой души тут не было, ясно? Вот это только и нужно вам знать.

Чёрная рука поднялась и опустила щиток, и лицо его опять исчезло. Из шлема послышался голос:

— Пойдёте отсюда добровольно?

Девочки молча кивнули. Не имело смысла сопротивляться. Они должны покинуть шалаш, спуститься вниз по ступенькам в последний раз.

Внизу, на земле, они обнаружили, что охранники разошлись по всей роще. Охранники делали обход, обследуя каждый камень и каждый куст.

Ни один ребёнок не должен был ускользнуть от их острых взглядов. И лисёнок был уже, наверное, давным-давно далеко отсюда, из одного лишь страха.

В это самое время, а дело шло уже к вечеру, Малыш сидел в комнате у соседки Бетты Линдблум, у той, что должна была родить ребёночка.

Живот у Бетты был уже довольно-таки круглый. Малышу раньше никогда не приходилось видеть живот будущей мамы на таком близком расстоянии. Выглядел он очень мило. Приятно было думать, что там, внутри, растёт маленькое живое существо.

— Долго ещё нам ждать? — спросил Малыш.

— Четыре месяца, — ответила Бетта Линдблум. — Она родится в ноябре.

— Так что, это будет она?

— Не знаю. Но всё время думаю и мечтаю, что это будет девочка.

— Тогда я считаю, что её нужно назвать Канин⁷, — предложил Малыш.

— Канин? — удивилась Бетта. — Такого имени ведь нет.

— Почему нет? Есть же такое имя для мальчика, как Бьёрн⁸. И девочку, значит, можно назвать Канин.

— Нет, её будут звать Трилле. Я уже решила.

Трилле. Малыш попробовал его на слух. Звучало неплохо.

Смешно перекатывалось на языке. Трилле-трилле-трилле...

— Ну, а если будет мальчик, — продолжал он, — тогда, я считаю, надо назвать его Эльг⁹. Если есть Бьёрн, то почему не быть Эльгу. Хотел бы я, чтобы меня так звали!

Бетта подобрала под себя ноги и устроилась удобнее на диване.

Она взглянула на Малыша и улыбнулась.

— У меня есть вопрос. Как тебя, собственно, зовут? Называют тебя просто Малышом.

— Да. И самое плохое то, что это — мое настоящее имя. А виновата Милла. Это у неё появился брат, когда я родился. Так что сначала меня называли Брур¹⁰. Такое имя есть, но ты слышала когда-нибудь, чтобы какую-нибудь девочку звали Сюстер¹¹?

— Нет, — согласилась Бетта Линдблум.

— Ну так вот. Раз она старше, так меня и называли Лиллебрур¹². Представь себе, а вдруг бы вместо Миллы да называли Стурасюстер¹³. Вот бы она, наверное, расвирепела!

— Но Малыш, мне кажется, совсем не плохое имя.

— Пожалуй. Но ведь меня будут так звать, когда я и вырасту! Думаю, будет ужасно странно...

Ему не пришлось узнать мнение Бетты Линдблум, потому что дверь распахнулась и в комнату ворвалась Милла.

— Вот ты где, оказывается, рassiживаешь! — с места в карьер закричала она.

— А тебе-то что за дело? — спросил Малыш.

— Да нет... Хорошо, что я тебя разыскала. Я сейчас иду в Рощицу. Скажи это маме и папе, когда они придут домой. Может случиться, что меня не будет всю ночь.

— С чего это? — удивился Малыш.

— Сейчас скажу. Они собираются спилить всю нашу Рощицу! Но мы этого не допустим!

Было ясно, Милла рассердилась не на шутку. Бетта Линдблум поднялась с дивана. Она тоже была возмущена.

— Я слышала об этом, — сказала она. — Я иду с тобой.

— Хорошо. Нас должно быть много.

Они поспешили к лифту и исчезли в кабине. Малыш остался один.

Никто его не спросил, не хочет ли он пойти вместе с ними.

Он вернулся домой и пошёл к себе в комнату. В ящике из-под игрушек слышался храп. Он постучал по стенке ящика.

— Эй! Буссевилле Карлзон!

— Тихо! — раздалось в ответ. — Не мешай. Я отдыхаю после тяжёлого трудового дня.

— Но мне бы хотелось с тобой поговорить.

— Только не теперь, — пробурчал голос. — Не собираюсь работать сверхурочно. И потом, твои родители уже поднимаются в лифте, сейчас будут дома.

И вскоре опять послышался храп.

Малыш уселся на ящик и стал ждать. И действительно, через несколько минут в квартиру вошли мама Криспина и папа Эрк. Кажется, Буссевилле Карлзон и в самом деле знал всё.

Криспина сразу же спросила о Милле. Малыш рассказал о том, что от неё узнал. И о том, что она, может статься, останется там на всю ночь.

— Как же так? — удивилась Криспина. — Они собираются спилить все деревья в одном-единственном маленьком лесочке, который у нас остался?

— Ну, наверно, начнут они не раньше завтрашнего утра, — высказал предположение Эрк. — Пойду-ка, пожалуй, туда и я, посмотрим, может быть, удастся что-то предпринять.

— Тогда я возьму отгул и пойду вместе с тобой, — решила Криспина. — Не удастся им срубить деревья, если только мы сумеем им помешать!

И опять никто из них не спросил, а не хочет ли к ним присоединиться Малыш.

12

Битва и Рощицы

На следующее утро Малыш сидел один у себя в комнате. Да, он на самом деле был один во всей квартире. Может быть, даже один во всём доме.

Все остальные отправились к Рощице. А он был слишком мал, как ему то и дело приходилось слышать. В такие серьёзные дела дети не вмешиваются.

— Эй, — тихонько позвал он. — Ты не спишь?

Буссевилле Карлзон выполз из своего ящика. Он зевнул и потянулся.

— А-а-а-а... ничего я так не люблю, как хорошенько поспать.

— Они собираются спилить Рощицу, — сказал Малыш.

— Я знаю, — ответил Буссевилле. — Акционерное общество решило освободить для себя территорию и построить «Янг Сентер».

— Это что ещё за штуковина?

— Молодёжный центр. Бар с чипсбургерами и дискотекой, ну и всякое такое. Хотят заставить раскошелиться трущобергскую молодёжь.

— Не говори такими словами. Я не понимаю, о чём ты. Но я хочу увидеть Рощицу, пока они её ещё не погубили.

Ммм... — промычал Буссевилле. — Хочешь увидеть... Но это довольно далеко. И я идти туда не намерен, чего себя зря утомлять. Но, может быть, мы могли бы полететь? Есть у вас здесь в квартире пылесос?

— Да, старый «электростюкс», — вспомнил Малыш.

— Превосходно. Раньше летали на метле. Ну, не обычные люди, конечно, а такие, которые умеют колдовать, как я. Они летали на метле. А

теперь больше мётел нет. Так что приходится обходиться тем, что есть под рукой. Он из тех, что втягивают в себя провод?

— Не думаю.

— Тогда лучше останемся дома. Летел я один раз на пылесосе, а из него провод свисал. Так какие-то ребята, сорванцы, чтоб им пусто было, побежали за мной и давай дёргать за провод, ну я и упал и жутко разбился. Больше я так лететь не собираюсь.

— Хватит морочить мне голову! — строго сказал Малыш. — Мы поедем на моём автомобиле. Он у меня ходит без всякого провода.

Он понял теперь, что Буссевилле Карлзон был слишком ленив, чтобы ходить по улицам. Но когда он повёл электромобильчик к лифту, то его приятель нехотя поплёлся за ним.

— Чтобы к вечеру здесь не было ни одного человека! — распорядился охранник, обращаясь к Милле и Лонте.

Но пока получалось наоборот. Как раз к вечеру в Рощице собралась масса народу, в основном молодёжь. Утром же пришло ещё больше. Пришли молодые и старые, дети и взрослые, мужчины и женщины, старики и старухи. Они подходили со всех концов, но больше всего из дома, где жила семья Хэггов.

Объяснялось это тем, что жильцы дома № 308 по Бетонной дороге поневоле познакомились во время наводнения, когда всем пришлось спастись на крыше.

Они уже даже начали друг с другом разговаривать. И наконец пришли к заключению:

— Надо что-то предпринять!

Что именно предпринять, они ещё как следует не решили. А пока что сидели в вереске и в черничнике, грелись на солнышке и разговаривали. И играли в разные игры и пели песни. И пили кофе из термосов, закусывая булочками.

Сидеть так было необычайно приятно. И чем приятнее было сидеть, тем нелепее казалась сама мысль о том, что какое-то безумное акционерное общество хочет взять и уничтожить всю их Рощицу.

В 9 часов в Рощицу прикатили три большие машины. Со всех сторон у них торчали краны, стальные захваты, пилы и фрезы. И на каждой на самом верху виднелась маленькая кабина для водителя.

Машины остановились. Из кабин спустились на землю водители, одетые в камбинезоны и жёлтые шлемы. Это были лесорубы.

Они с удивлением оглянулись вокруг. Один из них спросил:

— Что это здесь такое? Мы же должны начать порубку!

— Нет, рубить деревья нельзя, — ответила Криспина, случайно оказавшаяся рядом. — Не собираетесь же вы проехать по живым людям, посмотрите, вон их сколько!

— Не думаете ли вы, что можете нам помешать?

— Да, да, да! — послышалось со всех сторон.

Рабочий принял удрученный вид:

— Тогда нам, значит, ничего не заплатят.

— Заплатить-то вам заплатят. Так или иначе, а вы же сюда явились.

И не вы виноваты, что не можете приступить к работе.

— Это-то так, — нерешительно протянул рабочий.

— Да мы, собственно, тоже не хотели вырубать ваш лес, — вмешался один из его товарищей. — Делать сплошную вырубку никогда не весело.

Они сняли с себя рабочие шлемы и подсели к сидящим на земле, и их тоже угостили кофе с булочками.

В 10 часов появился бригадир. Рабочий шлем на нём был белого цвета. Это для того, чтобы было видно, что он начальник, потому что работать он как раз не работал.

Он встал перед машинами и закричал:

— Что здесь происходит?

— Да здесь у них какой-то праздник народный, — откликнулся один из рабочих. — Не хотят они, чтобы мы у них тут лес вырубали.

— А кому какое дело, чего хотят люди? — закричал Начальник. — Давай запускай машины! И вы тоже... Вставайте! Убирайтесь! Марш отсюда!

Он бегал вокруг, размахивая руками. Он кричал и угрожал и пытался заставить людей подняться, но никто его не слушался.

Одна маленькая девочка сидела в сторонке и трясла свою бутылочку с лимонадом. Когда Начальник подошёл к ней совсем близко, она пустила на него струю лимонада.

Тогда все другие дети тоже пустили на него струи из своих бутылок. Отовсюду на Начальника лились липкие лимонадные струи. У некоторых был красный вишнёвый сок, у других — синий черносмородиновый напиток или зелёный яблочный сироп. Какое-то время Начальник шагал от одного к другому, вытирая сок из глаз, мокрый с головы до ног.

Взрослые кругом задыхались от смеха, дети хохотали до упаду. Наконец Начальник остановился и прокричал:

— Вот я сейчас полицию привезу, будете знать!

И правда, он побежал к своей машине и уехал.

Милла стояла со своей камерой в руке. У неё получилось несколько отличных кадров с Начальником и детьми.

— Ох, — сказала она, — никогда ещё мы так не веселились.

К этому времени в лесок въехал Малыш с Буссевилле Карлзоном. Люди кругом сидели и смеялись, а Милла стояла неподалёку с камерой в руке. Однако некоторые из более умудрённых опытом перестали смеяться и беспокойно оглядывались. Если Начальник вернётся, им будет уже не до смеха.

Малыш оставил свой электромобиль в кустах и хотел спрятаться среди деревьев. Но там стояла Милла, она его сразу же увидела.

— Ты же должен был остаться дома, — сказала она. — Как ты сюда попал?

— Мы прилетели на метле, — ответил Малыш. — Знаешь, как она летит, всё равно как реактивный самолёт, скорость жуткая. У-у-у!

— Не дури! — прервала его Милла.

— Ладно... Мы приехали сюда на моём электромобиле.

— Мы?

— Да, Буссевилле Карлзон и я. Нет, подумать только! У тебя ещё и камера! Ты что, будешь нас снимать?

Малыш бегом вернулся к своей машине и уселся рядом с Буссевилле. Милла постояла в нерешительности, но потом подняла фотоаппарат и щёлкнула.

Малыш улучил момент и бросился сначала в кусты, а потом в лес.

Там кишмя кишели дети. Они собирали шишки, влезали на деревья и играли в дикарей и первобытных людей. Все веселились от души и даже принимали Малыша играть с ними во все игры.

Одна девочка научила его пускать струю из бутылки с лимонадом.

Потом он отыскал шалаш Миллы и её компании в кроне дерева и сам туда забрался. И остался там сидеть, сияя от удовольствия.

Пока Милла бегала по лесу и искала Малыша, она обнаружила много знакомых, которых раньше здесь не видела.

То, что туда же пришли её родители, она уже знала. Но на каждом шагу она встречала также своих товарищей и школьных учителей. Был там и учитель Антон Лёвэнг со своим сыном Йиласом. И соседка Бетта Линдблум, ожидающая ребёнка.

На одной полянке раздавалась музыка. Там стоял заведующий Бэрра Экблад из продуктового магазина и играл на трубе со своим оркестром,

Большим джазбандом Трущоберга. В их числе была и кассирша, она выбивала дробь на барабанчиках.

Неужели они закрыли весь магазин, чтобы прийти сюда и спасти Рощицу? Да, так оно, наверное, и было. И в школе скорее всего дела шли не ахти как — без учителей и учеников.

Милла повстречала почти всех своих знакомых. Единственно, кого она не нашла, был Малыш. Она искала его везде, кроме шалаша, потому что никак не могла предположить, что он додумается влезть на самый верх.

И тем не менее он сидел там. Это его и спасло, когда явились охранники.

Они примчались в двенадцать часов в чёрных автомобилях. Печата шаг, они прошли в своих чёрных униформах и пластмассовых шлемах на опушку и окружили Рощицу. Все они были вооружены длинными дубинками и круглыми щитами.

Они были очень похожи на чёрных рыцарей.

«Вот они где, злые рыцари-то!» — подумал Малыш, сидя в шалаше, высоко на дереве и издали глядя на них. Точно! Именно так должны были выглядеть Злой Рыцарь и его шпионы в той сказке.

Потом они принялись всех избивать.

Они избивали всех, кто не успевал от них скрыться. Старики и молодёжь кричали и пытались от них убежать. Но многие остались лежать на месте.

Тех, кто не хотел подняться, они тащили силой.

Вскоре роща была очищена от людей, тиха и безлюдна.

И тогда пришли в движение все три машины. С бешеной скоростью они стали одно за другим валить деревья, обрезать сучья, обдирать кору и складывать в штабеля.

На дороге перед рощей люди собирались группками и оказывали помощь раненым. Все были в ужасе от того, как быстро всё было опустошено и разорено.

А Милла всё бегала кругом, разыскивая Малыша. Она не решалась сказать маме Криспине и папе Эрку о том, что видела его здесь, в роще. Они бы только зря волновались. А сама она так расстроилась, что у неё даже заболело внутри.

Она представляла себе брата под гусеницами мощных машин или под падающим деревом, под завывающим полотном пилы или в жадно хватающих когтях стальных чудовищ.

А он вдруг оказался перед ней, целый и невредимый.

Она так обрадовалась, что стиснула его в объятиях, вместо того, чтобы изругать, как собиралась.

— Дорогой мой маленький братик! — радостно закричала она.

Малыш посмотрел на неё с удивлением.

— Где же ты был? — спохватилась она.

— В шалаше вашем, а что? Какой чудный был у вас домик! Оттуда сверху всё так хорошо видно. А теперь всё погибло.

Да, шалаша уже больше не существовало. А скоро не будет и всей Рощицы. Единственной во всём Трущоберге.

Люди стояли и смотрели. Ничего они не смогли сделать. Многие всхлипывали, другие просто плакали. Некоторые ругались, произнося слова, вовсе не предназначенные для детских ушей. Позади Миллы стоял учитель Антон Лёвэнг, поглаживая шишку у себя на лбу.

— Хм, — произнёс он наконец. — Вот уж никак не ожидал. Поневоле задумаешься, что история на этом не кончается. Я начинаю думать, что ещё многое нужно сделать.

Это было уже кое-что.

Вокруг Рощицы стояли на страже охранники. Не имело смысла даже пытаться прорваться через их ряды, чтобы поискать электромобиль. Да и его, наверно, давно уничтожили. Просто раздавили машиной и всё.

Милла взяла Малыша за руку и направилась к дому.

Криспины и Эрка не было видно. Но если им удалось спастись от полицейских дубинок, то они тоже должны прийти домой, всё равно ведь делать было уже нечего.

По дороге домой Малыш спросил:

— Получилось у тебя что-нибудь, когда ты снимала своей камерой?

Милла поняла, какой снимок он имел в виду. Она вынула его из кармана и отдала брату. Снимок удался на славу, он был ярким и красочным. И всё-таки было в нём что-то странное. На нём Малыш увидел себя, сидящего в своём электромобиле. Но он был один. Никакого Буссевилле Карлзона там не оказалось.

Вот и лету конец, — вздохнул папа Эрк. — Осенью пойдут сплошные дни рождения. Сначала мой. Потом Миллы. И Малыша. А там и рождество. Ничего не поделаешь, опять получим массу подарков. Я считаю, мы должны

навести порядок в квартире, надо освободить место для всего этого хлама, которым нас опять завалят.

— Ты же знаешь, мы не можем себе этого позволить, — сказала мама Криспина. — Это же так дорого — вывозить вещи.

— А я сделаю это потихоньку, — шёпотом сообщил папа Эрк.

— С ума сошёл! Вдруг тебя схватят! Тогда и до тюрьмы недалеко!

Было шесть часов вечера. Вся семья Хэггов сидела за обеденным столом. Наступил час, когда они могли поговорить друг с другом, потому что в другое время, почти целый день, они находились в разных местах. Милла вдруг сказала:

— Послушайте, а не можем мы совсем не покупать подарков? Мне, например, ничего не нужно.

— Можем, конечно, — ответил папа Эрк. — Но нельзя же всем другим запретить нас навещать и приносить всякую дребедень. Тётя Гнете и тётя Дебба, ты же знаешь, обязательно явятся с подарками. И бабушка с дедушкой, и тётя Хоппи с дядей Гноппе — все придут с презентами. Нет, здесь просто нужно сделать уборку! Нагружу машину сегодня же вечером. А завтра утречком пораньше вывезу весь хлам куда-нибудь подальше.

Звучало это очень решительно.

— Тогда я тоже поеду. Ты слишком легкомысленный, и потом, тебе в одиночку не справиться.

Её слова тоже звучали весьма решительно.

На том и порешили.

Эрк подготовился к поездке основательно: вечером купил рулон чёрных пластмассовых мешков и моток бечёвки.

И началась уборка.

В одном мешке поместились старые ломаные игрушки Малыша. В комнате Миллы набралось хлама на два мешка. Ещё год назад она активнее всех покупала себе всякие вещи. Когда появилось дешёвое одноразовое радио, она стала покупать себе новое каждый месяц, по мере того как старое умолкало. Все вечно спотыкались о него на каждом шагу.

Вещи одноразового пользования вообще валялись по всей квартире. Кварцевые часы, которые ходили один только год. Ломаные ручки и карманные фонарики, у которых сели батарейки. И всякое другое, что не было одноразовым, но тем не менее сломалось и было выброшено за ненадобностью.

Спускать мешки в лифте надо было потихоньку и частями, чтобы не заметили соседи. Все, конечно, знали, что так делают многие, но всё же хотелось избежать сплетен.

Старая «ниппон хазда» была вместительной машиной, в особенности когда опускали заднее сиденье. Постепенно машина заполнялась чёрными пластиковыми мешками.

К полуночи всё было готово.

Милла и Малыш уже спали. Но Криспина и Эрк сидели, любуясь просторными, опрятными комнатами. Давно у них не было так чисто.

Рано поутру они выехали со стоянки. Эрк за баранкой, а Милла рядом с ним на переднем сиденье.

Милла никогда не говорила, что умеет водить машину. Нужно же иметь хоть какие-то свои маленькие тайны, хотя бы от родителей! Впрочем, ей всё равно не разрешили бы сесть за руль.

Через какое-то время им пришлось проехать мимо Рощицы. Но теперь это была уже не Рощица, а всего лишь голый холм без малейших признаков жизни.

Ни тот, ни другой не промолвили ни слова, но мысли у них, вероятно, были одинаковые.

Они выехали на шоссе, всё больше и больше удаляясь от города.

Наконец Милла поинтересовалась:

— А куда мы, собственно?

— Думаю, не поехать ли в Ягодный лес. Туда, знаешь, к Малому озеру, если ты его помнишь.

Ещё бы мне его не помнить! Мы туда ездили и купались в тот год, когда ты и мама там встретились. Мама говорила, что Малое озеро — это последнее озеро, в котором можно было купаться. Но не будешь же ты бросать мешки с мусором там! Там, где так красиво!

— Красиво было тогда, — вздохнул папа Эрк.

— Что значит — тогда?

— Прошлым летом мама была на озере с Беттой Линдблум и её приятелем, им хотелось пособирать ягоды. Помнишь, наверно, никаких ягод они не привезли.

Да, конечно, Милла вспомнила. Они вернулись домой со слезящимися глазами, потому что с самолёта их посыпали какой-то гадостью. И они рассказали, что лес вокруг исчез, а озеро отравлено.

Эрк съехал с шоссе и направился к красиво зеленовшему лесу.

С лесом, однако, творилось что-то странное. Он тянулся всего лишь узенькой зелёной полоской вдоль шоссе. Узкой полосой зелёных деревьев — так, чтобы не видно было, что позади них никакого леса нет!

Они выехали на извилистую просёлочную дорогу. Всё вокруг было безжизненно и голо. Ни одного деревца, одни только пни и камни да мёртвые сучья.

Перед ними по дороге, почти вплотную друг за другом, двигались две красные машины. Обе были доверху завалены узлами и мешками из пластика.

— Гляди, не только нам пришла такая идея, — усмехнулся Эрк.

Дорога вскоре разделилась на две. Обе красные машины свернули направо, к Малому озеру. Эрк продолжал ехать прямо.

— Не хочу иметь никаких свидетелей, — объяснил он. — Даже таких, что едут по такому же делу.

Дорога теперь шла у подножия горы, потом начала постепенно подниматься вверх. С левой стороны гора представляла в виде невысоких холмов, поросших молодым сосняком вперемежку с засохшими соснами. Направо зеленел склон, опускавшийся к долине с Малым озером.

В том месте, где склон казался наиболее крутым, Эрк остановил машину и стал с обочины сбрасывать мешки с хламом. Милла помогала ему опорожнять машину.

Собираясь вытащить последний мешок, она вдруг наткнулась на чью-то маленькую руку, но рука изо всех сил вырывалась, стараясь освободиться.

— О боже! — воскликнула она. — Неужели опять ты!

Но Малыш был там, хотела она этого или не хотела. Она подтащила его к себе, как мешок, показала папе Эрку, а тот промолвил:

— Можно было давно догадаться, что без него не обойтись! Будь любезен, объясни, пожалуйста, что это должно означать?

— Я тоже хочу быть вместе с вами, когда вы что-то делаете!

— Трёпку ты хочешь получить, вот что! — сказал папа Эрк.

Он, конечно, пошутил. И все тотчас о нём забыли, потому что внизу, в долине, происходило что-то неладное.

Сначала в воздухе послышался шум, который люди в этой стране ненавидели больше всего на свете: шум завывающих моторов и треск вращающихся винтов. Над холмами по другую сторону озера на небольшой высоте шли три чёрных вертолёт. Они пролетели низко над озером, чуть не касаясь воды, и теперь приближались к обеим красным машинам на берегу.

Вокруг машин суетились люди. Только что они вытащили мешки с мусором и теперь не знали, что с ними делать.

Два вертолѐта остановились в воздухе над водой. Третий кружил над людьми и их красными машинами. Между ними начали вспыхивать маленькие дымки.

— Слезоточивый газ! — закричал Эрк. — Надо поскорее отсюда убираться!

Он втолкнул в машину Миллу и Малыша, впрыгнул сам и схватился за руль. Машин сорвалась с места, их бросило друг на друга, а потом на пол. Старую «ниппон хазду» разворачивало и бросало из стороны в сторону, но она мчалась, как ветер.

Милла, вцепившись в пояс безопасности, внимательно смотрела в заднее стекло.

— Они идут сюда! — крикнула она.

Эрк, сколько мог, выжал газ на узкой дороге.

— Они что, заметили нас? — спросил он.

— Думаю, что да.

От вертолѐта не скроешься на машине. Эрк сделал очередной поворот, затормозил и остановился.

— Придѐтся оставить машину здесь, — сказал он. — Может, они решат, что это старая, брошенная рухлядь.

Он выпрыгнул сам и, подхватив Малыша под мышку, как пакет, побежал прочь от машины. Милла кинулась вслед за ними. Когда вертолѐт показался над обочиной, они бросились на землю среди камней и кустов и затаив дыхание притаились.

Некоторое время вертолѐт висел над их машиной. В голову пришла жуткая мысль, что машина как будто задумалась, что ей делать.

Потом вокруг автомобиля запрыгали облачки дыма. Опять слезоточивый газ!

Но летающие машины ведь не могут думать. А автомобили нечувствительны к слезоточивому газу. Наверное, Эрк забыл поставить машину на ручной тормоз. Старенькая «ниппон хазда» начала во всяком случае пятиться назад, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, до тех пор, пока не соскользнула через край дороги и не исчезла внизу, в долине.

Вертолѐт медленно поднялся, как будто для того, чтобы оглядеться. Солнце сверкало в круглом пластмассовом пузыре. Охранников внутри него разглядеть было невозможно.

— Ой, — вскрикнул Малыш, — теперь же у тебя нет машины!

- Похоже на то, — пробормотал Эрк.
- Что же нам делать? — спросила Милла.
- А как ты думаешь? Придётся идти пешком.
- Идти? До самого дома? С Малышом? Пешком?
- Можешь идти на руках, если хочешь, — сказал Эрк. — Только

бы нам поскорее отсюда выбраться. Всё это может печально кончиться, если нам не повезёт.

Так или иначе, а идти им пришлось, и очень долго. К тому же на шоссе они выходить побоялись. Чтобы суметь быстро спрятаться, они должны были двигаться по пересечённой местности, когда-то бывшей лесом.

Пути их не было конца, они всё шли и шли.

Всякий раз, когда приближался вертолёт, они искали защиты в кустах и кочках и лежали на земле, не шелохнувшись. Когда-нибудь ведь охранникам должно было надоест, к тому же им надо было охотиться и за другими людьми.

К полудню в воздухе наконец стало спокойно. Спокойно и удивительно тихо. Иногда над путниками проносился прохладный ветер, но пошелестеть ему было нечем. Среди камней

торчали лишь мелкие лиственные деревца. Молодой сосняк едва доходил им до колен, и пока было трудно определить, прижились деревца или нет. Не слышно было птичьего щебетания. Не пищал ни один комар. Всё казалось мёртвым.

Долгое время Эрк шагал в полном молчании. Внезапно Милла обнаружила, что он идёт и плачет. Скорее всего из-за автомобиля: другой машины ему уже не купить.

Милла почувствовала, что тоже вот-вот заплачет. Не из-за машины, а из-за того, что погиб лес. Потому что всё вокруг выглядело таким унылым, таким безотрадным.

Она взяла себя в руки и задумчиво сказала:

— Думаю, земля никогда не простит тех, кто загубил всю траву, которая росла здесь. Думаю, деревья никогда не простят тех, кто убил их зелёные листочки.

— А кто убил листочки? — спросил Малыш.

Из них троих он был сейчас самый весёлый. Он бегал вокруг и делал вид, что от них прячется. Он собирал веточки и бросался камешками и играл всем, что попадалось ему на пути.

— Перестань! — остановил его папа Эрк. — Не дотрагивайся здесь ни до чего. И главное — не дотрагивайся до рта. Ещё неизвестно, сколько времени эта мерзость сохраняет своё действие.

- А какая это мерзость?
- Феноксистюксин. То, чем здесь всё опрыскивали.
- А зачем они опрыскивали?
- Чтобы убить лиственные деревья.
- Как! Зачем?
- Чтобы освободить место для сосны. Сосна выгоднее, чем берёза.

Всё зависит только от того, что выгодно акционерным обществам.

— Ну, этого Малыш не понимает, — вмешалась Милла.

— Да, конечно, но надо отвечать, если ребёнок спрашивает. И тогда можно спокойно сказать то, что есть на самом деле.

Милла потёрла ладони о брюки. Она тоже дотрагивалась до земли, до веток и камней. И теперь ладони у неё горели огнём. Но это, наверное, было лишь в её воображении.

Ну, а если в неё всё же попал яд, то когда он начинает действовать? Сегодня? Через неделю? Через двадцать лет?

Такие вещи надо знать.

Милла решила заняться ядами в школе. Организовать химический кружок и постараться пригласить учителя, знакомого с ядами. Друзья её, разумеется, поддержат. И многие другие тоже, потому что яды в теперешнее время — на каждом шагу.

К двум часам Малыш устал и проголодался. Эрк был вынужден нести его на плечах. Теперь они могли больше не прятаться, можно было идти по дороге, а это уже намного легче.

С высоты холма путники увидели синюю воду. Это был фарватер, по которому теплоходы шли с моря к городу. Так они узнали, что они на правильном пути. Если следовать фарватеру, то вскоре они будут дома.

Но, спустившись с холма, они увидели высокий забор с колючей проволокой и были вынуждены пойти в обход.

На заборе висели щиты с черепами. Под черепами большими буквами было написано:

ОПАСНОЕ ОБЛУЧЕНИЕ — БЛИЗКО НЕ ПОДХОДИТЬ!

— Здесь вместе со всеми воевал дедушка, — сказал Эрк. — Мой отец, другими словами.

Милла слышала о том, что тогда произошло. И теперь где-то в этих краях за колючей проволокой стояла себе тихонько заброшенная атомная электростанция. Последняя из работавших в стране.

Когда-то таких станций было множество. Но некоторые из них сами пришли в упадок, другие были остановлены народом. В то время без конца происходили настоящие бои с силами охраны. Но бабушка и другие не сдавались, такие опасные предприятия необходимо было остановить.

Атомная энергия — это нечто жуткое, противоестественное.

Всякая другая энергия исходит от солнца, всё равно что — вода, уголь, нефть, газ, солнечное тепло, ветер или, наконец, мускульная сила.

Вся наша жизнь на земле, всякое движение — всё идет от солнца.

А вот атомная энергия — это нечто совсем другое. Она находится за пределами того порядка, частью которого являются сама жизнь и люди.

В ней таится одна только смерть.

И всё равно и бабушку, и всех других называли преступниками, когда они хотели её остановить. Богачи выставляли против них всё больше и больше стражей порядка. Они создавали всё более мощную полицию с оружием и вертолётами.

Только это не помогло. Бабушка и бабушка и все остальные всё равно остановили атомную электростанцию.

Но раз уж им это удалось, они осмелели и обрадовались и постарались изменить также порядки и на работе, и в школе, да и во всем обществе в целом. Пошло всё не так, как нужно; правда, школа, кажется, стала немного лучше, но вот на работе они по-прежнему не могли ни о чём заикнуться.

Потом атомные электростанции закрылись по всей стране. Но блюстители порядка оставались, как были, только стали организацией ещё более мощной и жестокой. А вместе с ней и богачи становились ещё могущественнее, поскольку полиция ведь была у них на службе.

— А теперь ходить здесь не опасно? — спросила Милла.

Когда ребёнок спрашивает, надо говорить правду. Папа Эрк подумал немного и сказал:

— Этого я не знаю. Всё зависит от того, что стало здесь с землёй. Ведь земная поверхность живёт и всё время изменяется. Может быть, где-нибудь она дала трещину, этого же никто не знает.

Электростанция была закрыта. И всё же, стоя там, она могла испускать лучи ещё тысячу лет. Или — кто знает — даже двадцать тысяч лет.

Никто не мог этого знать.

— Я был здесь, когда строили вот этот забор, — сказал папа Эрк. — Тогда нас заверяли, что снаружи совсем безопасно, будем надеяться, что так оно и есть.

Эрк трудился на большинстве крупных строек в городе, пока его не уволили. Этот забор был его последней работой. Забор и сейчас выглядел прочным и надёжным.

Несколько километров они плелись вдоль украшенного черепами забора, прежде чем вновь увидели воду канала. После этого они вдоль канала побрели к городу.

Когда они уже приближались к автомобильному кладбищу около Трущоберга, их задержали три охранника на мотоциклах. Охранники в чёрных шлемах злобно уставились на Эрка.

— Чем это ты тут занимаешься? — спросил один из них.

— Гуляю со своими детьми, — ответил папа Эрк. — Детям полезно побыть на природе.

— Твоё удостоверение личности!

— Зачем это? — удивился Эрк.

— Мы должны знать, кто ты есть!

Эрк вынул из нагрудного кармана удостоверение и протянул его охраннику.

Милла посмотрела на Малыша, сидевшего на плечах у отца. Она боялась, что он заговорит о машине и противозаконном загрязнении природы. Но Малыш поник головой, казалось, он спал.

— Так что, ты сейчас идёшь домой? — спросил охранник.

— Да, — кивнул Эрк.

— Тогда давай побыстрее!

Все трое охранников поспешно уселись на мотоциклы и мгновенно исчезли из виду.

Путешествие продолжалось. Малыш оживился:

— Удос-тове-рение? Ли-лич-ности?

Он любил сложные слова, их можно было поворачивать так и сяк.

Спать он не спал. Но главное — хоть промолчал, и на том спасибо.

Наконец впереди показались громады новых домов Трущоберга.

Последний отрезок пути папа Эрк опять шёл в полном молчании. Милла очень хорошо понимала, о чём он думает, сама она думала о том же, а именно: как они скажут маме Криспине о том, что у них больше нет машины.

Неблагодарный ребёнок

День рождения папы Эрка прошёл очень тихо и спокойно. Он заранее объявил всем весьма определённо, что никто в семье не имеет права что-нибудь ему покупать. Потом позвонил всем родственникам и запретил им приходить. Никто не должен выбрасывать ради него массу денег, так он решил.

Потому что раз уж ему посчастливилось избавиться от всякого барахла в квартире, то не хотелось захламлять её вновь.

Вечером в день рождения они сидели одни, мама Криспина, Милла и Малыш, и угощались тортом вместе с папой Эрком, поскольку ему исполнилось тридцать семь лет.

Всё в конце концов получилось очень хорошо и уютно.

Но Эрк был мрачен.

Он опять вообразил, что сам виноват в том, что он безработный и что он ни на что не годится.

Они пытались доказать ему, что он ошибается. Милла сказала:

— Сам знаешь, сейчас безработных хоть пруд пруди. Сотни тысяч. И не твоя вина, что господин Стюкс ставит роботов и новые машины и увольняет людей!

— Но именно так я это *ощущаю!*

И если человек что ощущает, тут ничего не поделаешь. Никакие уговоры не помогут.

Людьми нас делает только работа.

Она и отличает нас от животных. Нет у тебя работы — и ты как бы уже не человек.

Нет, никакие разговоры тут не помогут.

Потом подошёл день рождения Миллы.

Она тоже задолго до этого дня объявила, что не хочет никаких подарков. Но потом обо всём забыла. Забыла, главное, позвонить родственникам и сказать им, чтобы они не приходили.

И теперь они, естественно, явились к ней всем скопом. Тётя Гнете и тетя Дебба, бабушка и дедушка, тётя Хоппил и дядя Гноппе.

И папа с мамой, а также Малыш и соседка Бетта Линдблум.

Все сидели и угощались тортом, потому что Милле исполнилось тринадцать лет.

И все купили ей подарки.

Например, коробочку с тенями для лица, браслетное радио, стенное панно с кумиром молодёжи Томми Блокхэдом, телефильм о лошадях, электронную игру «Фиа», транзисторное радио в виде мишки, большую кружку в форме забавной обезьяны и, наконец, электрическую ногтечистку «Маникостюкс».

Милла считала, что все подарки — ненужная чепуха и муть.

Зато Малышу всё ужасно понравилось. Он любил праздники.

И постепенно начал подумывать, чего бы он хотел для себя, когда наступит его очередь праздновать день рождения.

Вообще-то говоря, он ни в чём не нуждался.

Разве что в товарище для игр.

В последнее время Буссевилле стал почему-то очень ленивым. Давно уже он сам, по доброй воле, не показывался на белый свет, заявляя, что он может «всё».

Лежал большей частью в ящике для игрушек и спал.

Малыш мечтал теперь лишь о том, чтобы поскорее родилась Трилле и начала расти. Тогда ему нужно будет лишь перейти площадку на лестнице, чтобы встретить подружку и поиграть с ней. И Буссевилле Карлзон ему больше не понадобится.

Потому что какая радость от выдуманного приятеля, если он всё время лежит, спит и храпит?

Да к тому же ещё такая бестолочь, что не может удержаться на фотографии.

Неплохо было бы от него вообще избавиться.

Из всех гостей Миллы на дне её рождения Малыш больше всех съел торта.

Потом он вволю поиграл подарками Миллы. Удовольствия хватило и на весь следующий день. Но к вечеру все вещи ему надоели, к тому же большинство их к этому времени сломалось.

Однажды вечером в начале октября папа Эрк спросил:

— Ну, Малыш, что бы ты желал к дню своего рождения?

Малыш задумался. Товарища для игр? Нет, он бы не сказал. Чтобы все другие члены семьи побольше бывали дома, чтобы ему не сидеть так подолгу одному? Нет, такое тоже не пожелаешь к дню рождения.

Пожалуй, это должно быть что-то такое, что можно завернуть в бумагу и перевязать ленточкой.

- «Крутые» брюки, — сказал он.
- Это ещё что за новости? — удивился папа.
- Брюки! — повторил Малыш.
- Да, но «крутые»?

Малыш с изумлением поглядел на отца. Что он, не соображает? Не знает, что означает «крутые»? Все люди наверняка знают. Это же написано на всех вывесках, во всех витринах, везде!

- Объясни же, в чём дело!

Но Малыш не мог объяснить. Совершенно не мог. «Крутой» значит крутой, и ничего больше. Зачем ещё объяснять-то?

Папа Эрк улыбнулся ужасно ехидно, поскольку не услышал ничего в ответ.

Малыш нахмурился. Никто его не понимал. Вечно все его поддразнивают. Вот что значит быть самым маленьким! Нет в этом абсолютно ничего приятного.

— Сам скажи, — пробормотал он недовольно. — Ты ведь у нас старше всех и всё на свете знаешь!

И тут папа Эрк обнаружил, что он тоже не знает, что означает «крутой». И откуда слово взялось.

— Наверно, это просто какое-то рекламное словцо, — сказал он, — думаю, ровно ничего не означает.

— Да его, наверно, придумал господин Стюкс, вот и все, — добавила Милла.

Никто ничего не знал. Теперь часто так бывало. Появлялись новые вещи, а потом новые слова. Всё происходило за спиной у людей.

Неизвестно откуда появлялись новые предметы и новые понятия, и постепенно все перестали обращать на это внимание.

Но здесь мы можем всё-таки рассказать, как получилось со словом «крутой», если тебе интересно.

Слово это старое. Сначала оно означало нечто резко поднимающееся вверх или резко опускающееся вниз. А потом его стали употреблять с другими словами. Того, кто начал употреблять его в рекламе, звали Макс Хашбах — это был молодой человек, заведующий одним из небольших магазинов господина Якоппа Стюкса в Голландии.

Слову «крутой» в качестве рекламного посчастливилось. Оно употреблялось теперь в большинстве случаев об одежде, но также и о музыке, мопедах и лаке для ногтей. Всё можно было продать, если написать, что вещь — «крутая».

А молодой человек Макс Хашбах получил неплохую премию за свою хитроумную идею и вскоре стал директором одной из самых больших фабрик господина Стюкса в Боливии.

Вот что может произойти, если найти удачное словечко для рекламы.

День рождения получился у Малыша ужасно странным и удивительным.

И закончился страшно и печально, о чём вся семья Хэггов будет вспоминать, пока живёт на свете.

Уже за четырнадцать дней можно было увидеть, что у Малыша в голове нет ничего, кроме дня его рождения. Он ходил по универсам и рассматривал всё, что там выставлено. Каждый день ему хотелось чего-то новенького. Ни о чём другом он не думал. И не говорил ни о чём другом, а только о том великом дне, когда ему исполнится шесть лет.

Папа Эрк был очень этим огорчен.

— Это же просто дико, — время от времени говорил он, — и ничем хорошим для нашего мальчишки не кончится.

И с каждым днём становилось всё хуже.

Накануне дня рождения вечером у Малыша сильно поднялась температура. Мама Криспина уложила его в постель и предложила отменить празднество, раз он так болен. Но тут он заплакал и закричал, и пришлось ей обещать, что торжество состоится.

Малышу ведь никогда в жизни не могла бы прийти мысль позвонить родственникам и сказать, чтобы они не приходили. Наоборот, он хотел, чтобы их было как можно больше.

И на следующий день они, как всегда, явились все сколом.

Тётя Гнете и тётя Дебба, бабушка и дедушка, тётя Хоппи и дядя Гноппе и соседка Бетта Линдблум со своим круглым животиком будущей мамы.

Вместо одного пакета у них было по два, по три или по четыре, потому что дети относятся к подаркам по-особому и ужасно любят их получать. Их оказалось более двадцати только от родственников. Да ещё от мамы Криспины, папы Эрка и Миллы.

И теперь все они сидели вместе и лакомились тортом, поскольку Малышу исполнилось ровно шесть лет.

А сам Малыш устроился на полу и снимал бумагу с подарков.

В большинстве случаев это были пластмассовые изделия вроде самолётов, автоматов и пистолетов. Но были также и «крутые» брюки, ящик с инструментами и радио в форме футбольного мяча, передающее одну

только развлекательную музыку, электронный самоучитель счёта и две кассеты с фильмами ужасов для телевизора.

В последнем пакете оказалось несколько комплектов журналов с красочными комиксами — «сериями» о войне, всяких ужасах и о монстрах.

— Выглядят они довольно-таки гадко, — сказал папа Эрк.

Ты прав, — согласилась тётя Хоппи. — Но они самые новенькие, как мне сказали в магазине. И потом, это ведь всего-навсего сказки.

Милла видела, что папе Эрку очень не нравятся все эти автоматы с пистолетами. Лицо у него сразу же сильно хмурилось, как только его взгляд падал на эти предметы. Вероятно, он собирался выбросить их в первый же удобный момент, и Милла считала, что это самое разумное, что они могли сделать.

Но не сразу, придётся, разумеется, подождать, когда гости разойдутся по домам.

Нельзя же портить торжество.

Однако Малыш сделал это сам, и довольно удачно.

Открыв все пакеты и посидев некоторое время среди всех своих подарков, он вдруг спросил:

— А больше ничего нет?

Взрослые с удивлением посмотрели на него из-за стола. Малыш ответил им странным взглядом и повторил:

— А больше я ничего не получу?

Мама Криспина поспешно встала из-за стола и начала собирать с полу всю бумагу.

— Ой, сколько всяких вещей! — воскликнула она. — И как много бумаги! Надо, пожалуй, здесь немного прибрать.

Она взяла бумагу в охапку и попыталась засунуть её в хозяйственный шкаф. Шуршание бумаги не могло заглушить голос тёти Хоппи:

— Что же это за безобразие, какой неблагодарный ребёнок!

Милла забрала, сколько могла, игрушек и унесла их в комнату Малыша, прихватив по дороге и братца. Потом вернулась за остальным, так что на полу стало опять всё чисто. А Малышу она сказала:

— Какой ты ужасный! Надо же так высказаться! Неужели тебе это непонятно? Что с тобой?

Он сам не понимал. Просто чувствовал себя как-то странно. Он был несчастлив, хотя всё должно было быть совершенно наоборот.

Гости начали вставать и расходиться. Не из-за того, что услышали от Малыша. Просто они никогда не оставались на дне рождения более двух часов. Пора было и честь знать.

Все благодарили и говорили, что торт был ужасно вкусный.

— Дети есть дети, — вздохнула тётя Гнете. — Никогда не знаешь, чего они хотят. И это нужно учитывать. Дети есть дети.

Звучало это весьма рассудительно, хотя ровным счётом ничего не означало.

Но бабушка и дедушка были старые и мудрые. Они медленно шагали рядышком по Трущобергу и думали об одном и том же.

Через некоторое время дедушка промолвил:

— Чего же, собственно, дети ожидают, когда снимают бумагу с подарков?

— Что их обнимут, — ответила бабушка. — И приласкают. И начнётся лучшая жизнь.

— А получают всякую чушь и ерунду.

— Вещи-то у них есть. И вовсе не вещи они хотят найти в пакете.

— А более счастливую жизнь нельзя завернуть в бумагу и подарить, — заключил дедушка. — А иногда так хочется.

Малыш был невесел. Странно, он сам понимал. И зачем он ляпнул такую глупость! Теперь они, наверно, станут его ругать и выговаривать и за это тоже.

Так бы оно и было, если бы их мысли неожиданно не приняли другое направление.

Из гостей осталась одна только Бетта Линдблум. Она сидела на диване и вдруг почувствовала себя ужасно. Бледная как полотно, она ощущала острую боль. Милла вызвала «скорую помощь». Явились двое молодых людей с носилками и увезли её в больницу.

Мама Криспина поехала в машине вместе с ней. Домой она явилась лишь около полуночи. За это время она тоже побледнела и осунулась.

А у Бетты Линдблум произошёл выкидыш. Это значило, что ребёнок у неё родился слишком рано и умер. Кроме того, у него не было ручек.

Это была Трилле.

Но почему?

Это могло зависеть от яда, который самолёт распылял над Беттой и её другом в Ягодном лесу прошлым летом. Но могло также зависеть и от ядов, используемых в тканях на швейной фабрике «Текстюкс», где работала Бетта.

Последнее было вероятнее всего. У многих её коллег по работе тоже были выкидыши. Это их она имела в виду, когда сказала: «Только бы не

было такого ужаса, как у других. Мне кажется, в теперешнее время у всех случается что-то ужасное».

Малыш спал, когда мама Криспина вернулась из больницы. Он не должен был знать, что случилось. Или должен? Криспина и Эрк никак не могли решить, что же делать.

Зато Милла была более решительна.

От действительности никуда не денешься. Дети тоже должны знать жизнь. И раньше или позже Малыш узнает, что не придётся ему играть ни с какой Трилле.

Да и пусть узнает, почему. И кто в этом виноват.

Так окончился день рождения Малыша Хэгга. Это случилось 20 октября 52-го года нового летосчисления, и этот день он никогда не забудет.

15

Тах-тах-тах!

Буссевилле Карлзон сидел на ящике с игрушками; морщинистое лицо его было серьёзно.

— У всех есть в жизни задача, — произнёс он. — И у тебя тоже.

— У меня? — удивился Малыш.

— Конечно, — ответил Буссевилле. — У тебя в жизни большая задача. Все это знают, кроме тебя. Теперь и ты тоже должен узнать.

Звучало это таинственно. Наконец-то Буссевилле ожил и начал изобретать новые игры. Малыш считал, что сейчас самое время.

— Ведь ты из самых избранных, можно сказать, что ты принц. И ты должен убить Злого Рыцаря. Вот в чём твоя большая задача в жизни! — продолжал Буссевилле.

— Ну точно как в сказке! — обрадовался Малыш. — А как я должен это сделать?

Подумай как следует! Сначала ты должен узнать, кто же такой этот Злой Рыцарь.

Ну, об этом нетрудно было догадаться.

— Я вижу, ты знаешь, — продолжал Буссевилле. — Это ведь из-за него дети начали ссориться с родителями, сначала во всех продуктовых магазинах по всей стране. Это он сделал людей безработными. Это он отнял

у нас нашу Рощицу и все леса и траву, а потом отравил людей. И это он виноват в том, что не будет у нас никакой Трилле.

Малыш чуть не заплакал, вспомнив о Трилле.

— Но у меня же нет меча! — сказал он.

— Придётся тебе его сделать. Ты же получил в подарок ящик с инструментами на день рождения. Все другие вещи уже сломались, но инструменты остались. И ими можно пользоваться. Так что можешь сделать себе отличный меч.

Буссевилле, как всегда, был прав.

В ящике для инструментов была пила, молоток и рубанок, а также много всякого другого; очень хороших вещей, в общем-то.

Тогда Малыш не знал, что он станет с ними делать. А теперь понял, что может смастерить себе чудный меч! Ведь у всех детей теперь есть какое-нибудь оружие. А с помощью инструмента можно сделать себе всё, что угодно! И как это он раньше не додумался!

И в самом деле, у всех детей той осенью было оружие. И это была особая история.

Внезапно выяснилось, на что были использованы деревья из их Рощицы. Они превратились в бумагу. А бумага стала журналами с «сериями» комиксов, самыми отвратительными журналами, какие только можно придумать.

Так что и в самом деле деревья использовались для детей!

Серии комиксов изготавливались на предприятии под названием «Семик-Стюкс». Никто не знал, что означает такое странное название, но предприятие было гигантским по размеру и занимало высотный дом в центре города.

Там сидели редакторы и из картинок, полученных ими из Америки, вырезали и составляли серии комиксов. А переводчики переводили то, что было написано на пузырях, нарисованных перед ртом персонажей. На нижнем этаже дома стояли печатные станки, на них печатались ярко раскрашенные комиксы. Брошюровальные машины сброшюровывали их в журналы. А грузовики развозили по универсам, киоскам и продуктовым магазинам.

Из книжного дома «Семик-Стюкс» потоком шли Зелёные чудовища», «Люди-пауки», «Металлические женщины», «Люди-черепа» и множество других жутких личностей. Они распространялись по всей стране и в результате попадали в руки к каждому ребёнку.

О чём же говорилось в комиксах? О том, что герои серий с помощью оружия избивали и умертвляли всех людей без разбору.

Дети по всей стране были настолько напуганы, что не могли спать ночью. Днём, когда было светло, они ныли и просили деньги у родителей на новые серии. Вечером они вспоминали чудища и не могли заснуть.

Но это было ещё только начало.

В ноябре в магазинах появились новые игры, вернее, изделия, очень похожие на те, что изобретались в комиксах.

Появились пластмассовые маски, изображающие различных монстров. Появилось новое игрушечное оружие, пистолеты, ножи с нарисованной кровью, атомные подводные лодки, самолёты-шпионы; всё это было изготовлено из пластмассы в США и оттуда же доставлено.

Рекламировались эти изделия весело, соблазнительно. В анонсах было сказано:

Стань другом нашему оружию!

Детей надо было приучить к игрушечному оружию. А затем они сами привыкнут к мысли о том, что вполне естественно, когда богатые люди в США распространяют по всему свету и **настоящее** оружие.

Это же так просто!

Но не все понимали их намерения именно так.

Малыш не получил ни маски монстра, ни оружия. В этом вопросе мама Криспина и папа Эрк держались своего принципа очень строго.

— Такие штучки не для детей! — заявляли они в один голос.

И действительно, слова их как будто не лишены смысла.

А как же все другие родители, они, значит, ошибались? Иногда Малыш над этим задумывался. Неужели все другие ошибаются и только одни его родители правы?

То оружие и те журналы с комиксами, которые Малыш получил на свой день рождения, папа Эрк выбросил вон.

Но Малыш всё-таки читал о монстрах и человеке-черепе.

Ведь куда бы он ни пришёл, везде валялись старые комиксы. Даже дети в детском саду приносили их из дома с собой. Журналы, как сказано, были везде.

И Малыш стал так же бояться темноты, как другие дети. Стал плохо спать по ночам. Стоило потушить свет, как в ногах появлялось Зелёное Чудище. А по комнате шастал Человек-Череп. Если бы в ящике с

игрушками не лежал, похрапывая, Буссевилле Карлзон, Малыш, вероятно, не решился бы оставаться ночью один в своей комнате.

Итак, Малыш начал вырезать себе меч. Попытался он также сделать себе пистолеты и автомат, но они у него получались какие-то нескладные. С мечом дело проще. Он же прямой, и только у самой ручки надо сделать несколько завитушек.

Меч должен быть красивым. И острым, хотя он и из дерева.

Буссевилле стоял рядом и смотрел всякий раз, как Малыш садился за вырезание.

Время от времени он подавал советы. И говорил, как надо сделать.

— Он должен быть ещё более остроконечным, — заявлял он. —
Надо сделать его потоньше и поострее.

Малыш строгал, отделявал напильником и шлифовал наждачной бумагой.

Один раз в комнату вошёл папа Эрк, как раз когда Малыш старался изо всех сил. Он перешагнул через кучу опилок.

— Что это ты делаешь?— спросил папа Эрк.

— Так, учусь столярничать, — мальчик уклонился от прямого ответа.

— Вот как. А что это будет? Ведь уже сейчас похоже на меч!

На это Малыш ничего не ответил.

Ты же знаешь, тебе нельзя иметь оружие. Выбрось всё это сейчас же! И пойди поиграй в сквере, пока ещё светло.

Малыш был вынужден уйти.

Но он чувствовал себя ужасно нелепым, явившись на детскую площадку без маски монстра или какого-нибудь другого чудища. И без всякого пистолета, даже самого никудышного. Дети на площадке даже стали над ним смеяться.

Зато сами дети выглядели словно маленькие монстры, люди-черепа или вампиры. И разгуливали туда-сюда с оружием чёрного цвета в руках.

Тах-тах-тах! — кричали они и, играя, как будто убивали друг друга. —
Тах-тах-тах!

В первый раз, когда Малыша выгнали, он только стоял и смотрел, чувствуя себя глупым и бестолковым. Постепенно ему удалось одолжить кое-какие необходимые принадлежности у других детей. Он вырядился в одежду монстра и стал стрелять в окружающих из автомата.

В ту осень всем вменялось в обязанность поступать именно так. В конце концов ему разрешили взять одолженную одежду и оружие домой. Он поднялся к себе, на свой тридцать первый этаж с маской монстра на голове и с двумя чёрными пистолетами в руках. Одним пистолетом он нажал на кнопку, так что зазвонил дверной колокольчик.

Мама Криспина ужасно испугалась, открыв дверь. Она никак не ожидала увидеть за дверью такое страшилище. Потом она рассердилась, сорвала с Малыша маску и отняла пистолеты, втащила его в квартиру и закрыла дверь.

Малыш поднял страшный вой. Он решил, что вопли помогут делу, однако мама Криспина не сдавалась.

— Что за шум, а драки нет? — шутливо спросил Эрк из кухни.

— Нет, это уже слишком! — возмутилась мама Криспина. — Если он уже начал морочить голову нашим ребятам всякими своими войнами, оружием и чудовищами, то такой воинственности я не потерплю!

Она, естественно, имела в виду господина Якоппа Стюкса.

— Что будем делать? — спросил Эрк.

— Послушайте, а что, если поджечь Большой универмаг? — деловито предложила Милла.

Мама Криспина покачала головой.

— Нет, так не годится, — сказала она. — Хотя я сама бы не отказалась.

— Никакой поджог не поможет, — рассудил Эрк. — В стране тысячи больших универмагов. И десятки тысяч продуктовых магазинов. И двадцать тысяч киосков, и все они торгуют журналами с монстрами.

— Но что-то же нужно предпринять, — не унималась мама Криспина. Нельзя же допустить, чтобы так шло и дальше. Забивать голову детям ужасами и насилием — это самое страшное преступление, какое можно придумать. Надо что-то делать!

Малыш слушал и размышлял о том, что могут придумать родители.

Может быть, вообще ничего не придумают. Может быть, всё это одни пустые разговоры. Но даже в таком случае их разговоры не без пользы. В том смысле, что он и сам уже начал думать и рассуждать о разных разностях.

Не у всех детей были такие родители. В большинстве своём родители лишь вздыхали, заявляя, что всё на свете вообще глупо, нелепо и неправильно, но они были не в состоянии задуматься ещё немного и задать вопрос: «А почему?»

В таком случае и дети их тоже не могли научиться мыслить и спрашивать «почему»? Так всё и шло пока — глупо, нелепо и неправильно.

Малыш продолжал выстругивать свой меч, а сам в это время всё думал и думал.

Он был маленький, всего шести лет. Но глупым его назвать нельзя.

Он сам заметил, что изменился. Пальцы у него стали хищными, как бы воинственными, и руки тоже. Когда он брался за авторучку, то она сразу же становилась ножом. Если поднимал с земли палочку, в его руке она превращалась в пистолет. Вынув из хозяйственного шкафа половую щетку, он видел, как она тут же становилась автоматом.

До Рождества оставалось всего несколько недель. Когда он задумывался о том, какой подарок ему хотелось бы получить, то ничего не мог придумать, кроме оружия.

В голове у него теперь всё время тах-тах-тахало. Это перешло к нему от других детей на площадке для игр. А к ним перешло из комиксов, напечатанных на бумаге, изготовленной из тех деревьев, что росли в зелёной роще, где они когда-то играли.

Всё было рассчитано точно.

И вот теперь приближалось Рождество. И все большие универмаги страны были буквально забиты вещами, подходящими для детей, у которых тах-тах-тахнуло в голову.

Нет, правда, всё было рассчитано совершенно точно.

16

Свободно выбранная работа

В начале декабря выпало немного снега. И одновременно заметно похолодало. Холод стал проникать во все квартиры. Повсюду люди сидели, ёжась от пронизывающего холода. Мёрзла даже семья Хэггов, потому что так холодно никогда не было даже в доме № 308 по Бетонной дороге.

Мама Криспина позвонила в Акционерное общество «Бетонные жилища», чтобы пожаловаться.

— Мы все сидим здесь и ужасно мёрзнем, — сказала она. — В доме страшный холодина.

— Нам это известно, — ответила девушка в конторе. — В вашем доме холодно, потому что мы должны экономить нефть.

— А зачем вы топите нефтью? — удивилась мама Криспина. — Можно ведь было поставить ветряную вертушку и обогревать дом электричеством. Здесь же всегда дует ветер!

— Ну, так уж получилось, что мы до сих пор топим нефтью, — объяснила девушка. — А в мире нефтяной кризис.

— А в чём он выражается-то, этот кризис?

— Не знаю. Знаю только, что он так называется. Нефтяной кризис.

— Всё это одни слова. Наверно, их изобрели нефтяные акционерные общества, чтобы повысить цены.

— Конечно. Но если хочешь знать мое мнение, то...

— А какое твое мнение?

— Ведь скоро Рождество. И я думаю, что Якопп Стюкс и другие фабриканты нуждаются в нефти для своих фабрик. Ну, чтобы приготавливать всё то, что должно стать рождественскими подарками, понимаешь.

— Ах вот как! — воскликнула мама Криспина. — Так что мы, по-твоему, сидим дома и мёрзнем, чтобы в рождественский вечер суметь купить массу всяческой ерунды друг для друга.

— Да, мне лично так кажется, — подтвердила девушка. Лица её было не видно, экран у Хэггов всё ещё был разбит. Но голос у девушки был приятный. Не её, наверно, была вина, что они мёрзли у себя дома.

Мама Криспина положила трубку, пошла и надела на себя шерстяные брюки. Все другие в её семье уже давно вытащили тёплые куртки и шерстяные штаны.

Нельзя сказать, что зима началась для них очень удачно.

В школе тоже было холодно, так холодно, что Милла и её компания сидели в шерстяных джемперах и свитерах с куртками. Термометр показывал всего двенадцать градусов. Но и это ещё не всё. У них начали происходить очень странные события.

Был четверг 3 декабря. Последний урок подошёл к концу. Учитель только что вышел из класса, и ученики собирались вынуть из шкафа ведро и тряпки для уборки. Внезапно в дверях появилась незнакомая женщина и сказала:

— Привет! Меня зовут Фиа Янссон. Я здесь буду делать уборку.

— Это тебе только кажется, — сказала Милла. — Уборку здесь делаем мы сами.

— А теперь её буду делать я, — настаивала Фиа Янссон.

Ученики глядели на неё с удивлением. Сначала они думали, что она шутит. Но она не шутила. Она рассказала, что устроилась сюда уборщицей и отныне будет убирать каждый день всю школу.

Получалась какая-то нелепица. Учеников её слова рассердили, и они хотели её прогнать. Но на глазах у Фии Янссон выступили слёзы, и она взмолилась:

— Я пять лет была без работы! И теперь, когда мне её наконец дали, вы не должны мне мешать. Ребята, дорогие!

За её спиной показался ректор школы. Он был старый, мудрый и справедливый, и все его любили. Сейчас он выглядел очень усталым.

— Это не я придумал — сказал он. — Это приказ школьного управления. А они получили приказ сверху.

Сверху? Слова ректора звучали таинственно. Они всегда звучат таинственно, когда кто-то хочет сделать что-то непонятное.

— Знаете, это, наверно, делается лишь для того, чтобы вам помочь, — продолжал ректор. — Ведь если вам не придётся заниматься уборкой, то у вас будет больше времени для учёбы и вы сможете сдать все ваши экзамены.

— Какие ещё экзамены? — с удивлением спросила Милла.

— Толком я ещё не знаю. Но постепенно вам, наверно, все сообщат.

Бюссе и Лонта направились к двери. Лонта сказала:

— Какой смысл стоять здесь и пререкаться? Пошли, пора домой.

Остальные последовали за ними. Все ушли из класса и из школы. На площади они разошлись в разные стороны. Казалось, некоторые решили, что и без уборки совсем неплохо.

Когда Милла на следующее утро пришла в школу, у входа стоял сторож ЧАКМ. Это оказался тот же сторож, что встретился Милле, когда она пыталась замазать замки на винном магазине. И собака-ищейка с ним была та же.

Он протянул руку к Милле и приказал:

— Отдавай ключи!

— Какие ключи? — спросила Милла.

— Ключи от класса. Сегодня я должен собрать ключи со всей школы.

Собака зарычала, оскаливая зубы. Сейчас ей, видимо, еще больше хотелось узнать, какова Милла на вкус. Милла не отважилась послушаться. Она отдала ключи.

— А когда я получу их обратно? — спросила она.

— Никогда, наверно. Теперь здесь наведут порядок. Другой порядок, я хочу сказать. Новый порядок, понятно?

Внизу, на школьном дворе, группами стояли ученики, обсуждая нововведения. Ни у кого не осталось ключей. Выглядело всё это очень странно. У всех было ощущение, что школа им уже не принадлежит.

А потом стало ещё хуже.

Первыми уроками до завтрака в классе Миллы должна была быть техника связи. В двух других классах — столярное и слесарное дело. Но здание с мастерскими успели обнести забором, и туда уже нельзя было проникнуть.

За забором всюду разъезжали грузовики. Выгружались машины, ящики и коробки и вносились в здание. Там кипела жизнь, всё двигалось и шевелилось.

Ученикам разрешили разойтись по своим классам. В классе у Миллы сидел учитель Антон Лёвэнг.

— Не отдадут нам больше то здание, — сказал он. — Так что придётся несколько изменить расписание.

— А что там теперь будет? — с любопытством спросили ученики.

— Там будет нечто вроде фабрики. Кажется, ёлочных украшений. Сейчас, к Рождеству, скорее всего это будут именно ёлочные украшения.

— А как же мы? — закричали ученики.

— Вот об этом нам и надо посоветоваться. Все технические предметы мы из расписания должны вычеркнуть. Вместо них поставим что-нибудь новенькое, выберем из того, что нам порекомендуют. Называется это — Свободно Выбранная Работа. И означает, что вы можете выбирать то, что хотите.

— Тогда я выбираю технику связи, — сказала Милла. — Потому что она у нас сегодня по расписанию!

— Ммм... — пробормотал учитель. — Это не пойдёт.

— А я выбираю столярное дело, — заявил Бюссе.

— Ну так я тогда возьму слесарное дело, — откликнулась Лонта. — Я всё равно учусь работать на токарном станке, и мне это страшно нравится!

Один Луке не мог ничего выбрать, он был болен и в тот день лежал дома в постели. Зато все другие ученики по-прежнему хотели работать только в школьных мастерских.

— Вот как раз это и невозможно, — заключил учитель. — А вообще вы можете выбрать всё, что пожелаете, если только

возьмёте пинг-понг, рисование на фарфоре или уход за лицом. Вот из этого вы можете выбрать всё что угодно!

Ученики с испугом уставились на него. Милла первая пришла в себя и с трудом вымолвила:

— Ты что, с ума сошёл? В школе мы будем играть в пинг-понг? Я-то думала, что школа существует для того, чтобы в ней можно было чему-то научиться!

Не я это придумал, — с горечью сознался учитель. И это, вероятно, стало теперь самым привычным ответом. Все говорили, что не они придумали всё то, что было сущей нелепицей. Каждый ссылался на кого-то другого. Никогда почти не удавалось выяснить, кто же всё-таки измышлял все эти безумства и кто фактически всем распоряжается.

Так прошло несколько дней. Милла и её друзья отказались играть в пинг-понг. Большинство других учеников тоже. О росписи фарфора никто не заикнулся, а об уходе за лицом стыдно было даже говорить.

Вместо всего этого они занимались математикой, грамматикой и историей, а также обществоведением и старались всё это как следует выучить и запомнить. Но и это становилось как-то неинтересно.

Все чувствовали себя в школе неуютно. Никто не останавливался после уроков в дверях, чтобы проверить, всё ли в классе чисто прибрано. Все стремились поскорее оказаться дома, чтобы погрузиться в занятия.

Смысл был в том, чтобы стать лучше других.

Это тоже было нечто новое.

Кончились теперь оживлённые разговоры, дискуссии и совместная зубрёжка, ни у кого не возникало желания помочь друг другу стать немного умнее. Теперь надо было зубрить учебники. Каждый должен был заниматься в одиночестве и пытаться выучить больше, чем другие.

А потом следовало получать отметки.

Отметки когда-то уже существовали, но это было давно, затем их отменили. Теперь их собирались ввести вновь.

Тот, кто знал учебники наизусть, должен был получить хорошие отметки. Тот, кто учил то, чего в учебниках нет, получал плохие отметки.

Окончательные выводы будут сделаны после письменных работ перед рождественскими каникулами. Об этих экзаменах и говорил ректор.

— Согласимся мы на это? — робко спросил Луке.

— Никогда в жизни! — горячо откликнулась Милла. Бюссе и Лонта их поддержали. Никто из них не желал

подвергаться проверке, да ещё с отметками. Они решили поговорить со всеми учениками в школе и попытаться заставить их бойкотировать экзамены.

Времени у них было достаточно. До окончания семестра оставалось ещё 14 дней.

Сейчас их больше всего интересовало здание с мастерскими. Потерянное ими здание превратилось в фабрику, это было ясно. Но что это за фабрика? Что она выпускает?

Им хотелось это узнать.

Однажды после полудня они стояли у калитки, когда оттуда стали выходить рабочие. Там были и мужчины и женщины. Выглядели они усталыми и, видимо, торопились домой. Милла вмешалась в толпу и спросила:

— Нам хотелось бы знать, что вы там, в этом здании, делаете? Что изготавливаете?

— Всякую всячину, — отозвался один паренёк. — Сейчас, например, делаем шапочки для Деда Мороза. И довольно много игрушек, в основном маски чудовищ, оружие, ну и всякое такое.

— А потом ещё космические костюмы и одежду индейцев, — добавила одна женщина.

— И вы считаете, что так и должно быть? — напрямик спросила Милла.

— Мы тоже задавали себе такой вопрос.

Работница рассказала, что им тоже вовсе не хочется заниматься такой чепухой. Но у них не было выхода, надо ведь было как-то зарабатывать на еду, на одежду, на плату за квартиру и на всё остальное. Да и вообще нужно быть довольным, что у тебя есть работа.

Вначале ещё рабочие спрашивали, не могут ли они сделать что-нибудь более разумное вместо всей этой чуши в виде рождественских подарков. Тогда им велели не вмешиваться не в своё дело.

— А разве вас не касается то, чем вы занимаетесь?

— По-видимому нет, — ответила женщина.

Потом она заторопилась, ей было некогда болтать, нужно ещё было зайти в гастроном, кое-чего купить, а потом в детский сад за детьми. Молодой человек тоже торопился домой.

Милла с друзьями в мрачном настроении направились в Торговый центр Трущоберга, а затем все разошлись по домам.

Разговор с рабочими оказался для них настоящим уроком обществоведения, уроком, отсутствующим в учебниках. Он показал, что рабочим не велят проявлять интерес к своей собственной работе. Их вовсе не касается то, что они изготавливают.

Никто не спрашивал мнение рабочих. Всё определялось «сверху» кем-то, кто будет получать деньги за их работу. Тем, кто сам не работает.

Об этом в учебниках не было сказано ни слова.

В Торговом центре Трещоберга рождественская торговля была в полном разгаре.

Перед Большим универмагом стояли забавные Деда Морозы и зазывали людей к стеклянным дверям. Внутри тоже стояли Деда Морозы и играли на аккордеонах. Несколько Дедов Морозов показывали новинки, продававшиеся в универмаге, и, наконец, ещё одна группа заворачивала покупки или продавала рождественскую карамель; были и такие, что занимали игрой детей.

Деда Морозы кишели повсюду.

Интересно, что все они выглядели совершенно одинаково. Красные брюки, куртки и колпачки. Белые бороды. Застывшие розовые лица. Да, даже лица были одинаковые, поскольку на лица были надеты пластмассовые маски, выкрашенные совершенно одинаково. Во всех витринах светились красочные плакаты:

Покупайте рождественскую радость в Большом универмаге!

Некоторое время Милла и её друзья стояли неподвижно на только что выпавшем снегу, глядя на всех Дедов Морозов.

— Кто-то на Рождестве большие денежки загребают, — задумчиво сказал Луке.

— Это мы и без тебя знаем, — хмуро ответила Милла.

— А не попробовать ли нам эту прибыль чуточку уменьшить? — лукаво добавил Луке.

Милла поняла, что он кое-что уже придумал. Другие сразу же заинтересовались. Луке сунул руку в карман и вытащил небольшую связку ключей.

— Я был болен в тот день, когда здесь у вас отбирались ключи.

— Что будем делать? — спросил Бюссе.

— Поможем Большому универмагу дарить людям рождественскую радость!

Звучало это заманчиво. Милла была уверена, что Луке пришла в голову хорошая идея, она на него во всём полагалась.

— Так чего же мы ждём? Вперёд, за дело!

Налёт на Большой универмаг

Ни у кого из них не оказалось ключа к калитке. Пришлось перелезть через ограду. Они проделали это без труда и почти бесшумно.

Молча прокрались они к старому зданию, где когда-то располагались их мастерские. Молча проскользнули в дверь, предварительно отпертую Луке.

Ни сторожей, ни их собак не было видно.

Свет зажигать они побоялись: это сразу бы их выдало. Но там, где есть снег, никогда не бывает совсем темно. Поэтому света от уличных фонарей за школьным двором вполне хватало, чтобы свободно передвигаться внутри дома.

Столярная и слесарная мастерские превратились в фабрику пластмассовых изделий; стену между ними сломали.

Странный, причудливый мир предстал перед ребятами. Повсюду высились горы монстров, черепов, оружия и манекенов вперемешку с ангелами с застывшим взглядом и розовощёкими дедами-морозами.

Но даже эти старички выглядели злобными, они пялились пустыми глазницами со столов и стен.

Бюссе и Лонта потрогали прессы для получения пластмассы. Им хотелось посмотреть, как работают машины, но они не отважились. Воздух был пропитан запахами химикалиев, а химикалии, несомненно, были ядовитыми. Так что ребята решили не рисковать.

В следующей комнате раньше находилась телемастерская. Теперь там расположилась швейная фабрика. На длинных вешалках рядами висели костюмы: для скелетов и для Дедов Морозов, для «стального человека», для ковбоев, индейцев, космонавтов, монстров, вампиров и солдат — всё для детей от трёх лет и старше.

— Вот оно где! — сказал Луке. — Поскорее, мы ещё успеем кое-что сделать, пока магазин не закрылся!

Через забор перелезли и проскользнули на фабрику четыре подростка. А на улицу вышли и перелезли через забор четыре Деда Мороза. Но поскольку никто не видел ни подростков, ни Дедов Морозов, то никто и не удивился превращению.

У Малыша Хэгга не было денег, и он не знал, чем ему заняться. Для начала он побрёл к Большому универмагу. Смотреть ведь можно бесплатно, и это было единственное, что он мог себе позволить.

Побродив немного по отделам, он, как обычно, оказался в отделе игрушек. Вот уж где было на что посмотреть!

По неизвестной причине его привлекла пластмассовая лодка с отверстиями спереди и сзади. Она походила на автомобильный паром, но была загружена вооружёнными солдатами. Паром для высадки войск, по всей вероятности.

Внезапно над Малышом склонился один из Дедов Морозов и спросил:

— Чего бы тебе хотелось, дружок?

Голос Деда Мороза показался Малышу каким-то странным. Он напоминал голос одного из друзей Миллы, но Малыш не мог сообразить, кого именно.

— У меня всё равно нет денег.

— Наплевать! — высказался Дед Мороз. — На Рождество все должны быть весёлыми. Выбирай, что хочешь! Большой универмаг платит за всё!

— Тогда я возьму вот его, — сказал Малыш, показывая на паром с солдатами.

Дед Мороз положил паром в пластиковый пакет и наклеил на него кусочек красной клейкой ленты со словом «заплачено».

— Разве это бесплатно? — удивился Малыш.

— Сегодня да. Фирма ведь заработала на покупателях миллионы. А это своего рода кража у покупателей. Так что фирма считает, что её клиенты тоже должны получить немного от её прибылей. Это как бы реклама, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Малыш не понял абсолютно ничего. Но он к этому уже так привык, что особенно не огорчился.

Взял свой полиэтиленовый пакет и со всех ног бросился домой.

Надо успеть скрыться, пока Универмаг не раскаялся!

Целый день трудились изо всех сил четверо Дедов Морозов в отделе ёлочных украшений. Но теперь их вдруг стало восемь. И это оказалось очень кстати, потому что со всех сторон начали прибегать дети и толпиться у полок.

Один из старых Дедов Морозов устало сказал женским голосом:

— Как хорошо, что к нам подоспело подкрепление. А то бы нас надолго не хватило. Послушайте, что вы делаете, вы что, не берёте с них деньги?!

— Да, с детей не берём, — ответил молодой расторопный Дед Мороз. — Это новый рекламный трюк. До конца дня все дети получают рождественский подарок бесплатно. Разве ты об этом не слышала?

— Ой! — произнёс усталый Дед Мороз женским голосом. — А я-то что делаю, беру деньги, а это совсем не нужно. У меня от этих расчётов и так голова идёт кругом!

И все восемь Дедов Морозов начали проворно оделять детей подарками. И хотя детей становилось всё больше и больше, дело шло как по маслу.

Вскоре полки почти совсем опустели. Вместе с тем среди толпы покупателей началось беспокойство. Дети и родители теснились, чтобы успеть получить хоть кое-что, пока подарки не кончились.

Тогда один из молодых и резвых Дедов Морозов объявил:

— Ну, теперь всё в порядке, с остальным вы справитесь сами. А нам нужно дальше, помочь развесить ёлочные украшения.

И четверо молодых, резвых Дедов Морозов исчезли. Остались только усталые, проработавшие целый день. А покупатели наседали на них всё упорнее и упорнее.

Наконец подошёл директор универмага с двумя охранниками ЧАКМ.

— Послушайте, что здесь происходит? — спросил он. — Да послушайте же!

Охранники проложили в толпе дорогу директору. Он подошёл прямо к измученным Дедам Морозам, и вид у него был вовсе не весёлый.

Между тем четверо резвых Дедов Морозов направились не к ёлочным украшениям, как они сказали. Двое из них пошли к отделу пижам и рубашек, а двое других поспешили в отдел детской одежды.

В отделе пижам и рубашек тоже стояли два усталых Деда Мороза, проработавших целый день. Один из новых обратился к ним:

— До конца дня каждый покупатель получает одну рубашку и одну пижаму бесплатно. Это их новая рекламная уловка. Неплохо придумано, а?

Оба усталых Деда Мороза согласились. В голове у них под красными колпаками прямо-таки жужжало от цифр и размеров. Другое дело — просто раздавать покупки, это же одно удовольствие.

И вместе с весёлыми, бодрыми молодыми коллегами они начали раздавать подарки. Покупатели быстренько смекнули, что надо пользоваться моментом. И здесь тоже, конечно, началась давка, но всё равно было гораздо легче, чем прежде.

То же самое произошло и в отделе детской одежды.

Сначала там стояли три измученных Деда Мороза, трудившихся с утра. А теперь к ним подоспела помощь в виде двух расторопных и отдохнувших товарищей.

Один из них объявил:

— Все дети получают «крутые» брюки или что-нибудь другое, по выбору. К Рождеству не должно быть детей, которых травят из-за того только, что родители не могут купить им модную одежду. Это новый рекламный трюк, изобретённый господином Якоппом Стюксом. Здорово придумано, верно?

Усталые продавцы нашли, что это просто великолепно, пот лил с них градом под пластмассовыми масками, так что они едва могли рассмотреть цифры на кассовом датчике. Как хорошо, что сейчас можно им не пользоваться.

Дети всюю помогали новой рекламе, крича друг дружке о новости, которая всех так обрадовала. Со всех сторон в магазин устремились дети, прибывали всё новые и новые толпы, все бросались к полкам и начинали там рыться.

Минут через двадцать все полки были опустошены. Тогда один из новых Дедов Морозов сказал тем, кто трудился с утра: Ну что ж, теперь вы и сами справитесь. А нас ждут в отделе стекла и фарфора.

А другой Дед Мороз у полки, где только что лежали пижамы и рубашки, добавил:

— Нам нужно спешить в обувной отдел, помочь им немного. Вы справитесь теперь и без нас.

В отделе с ёлочными украшениями было уже совсем не протолкнуться. Один из охранников ЧАКМ ходил в толпе и срывал маски Дедов Морозов со всех служащих у касс. Другой бегал вокруг и вырывал сумки из рук честных клиентов, купивших ангелочков и пластмассовую карамель или пластмассовые фрукты для своих пластмассовых ёлок.

Под ногами у всех трещали раздавленные ёлочные украшения.

Возмущённые покупатели ругали охранников.

А посреди толпы на пластмассовом рождественском козле сидел пластмассовый Утёнок Калле и такой же пластмассовый Весёлый Мышонок и распевали «Рождество весёлое» на два голоса, и песенка их звучала великолепно.

Но тут вдруг прибежал директор Универмага и закричал охранникам ЧАКМ:

— Их здесь нет, они в обувном и ещё в стекле и фарфоре!

Он с испугом поглядел на пол, на раздавленные украшения, и проговорил торопливо:

— Вы идите в обувной, а стекло и фарфор я беру на себя!

Есть ещё в Трущоберге старые люди, и они могут рассказать, что случилось когда-то в обувном отделе Большого универмага в тот предвечерний час. О том, как дикие охранники ЧАКМ срывали с них обувь, проверяя, не новая ли она. И как им пришлось идти домой в одних чулках по снегу, особенно тем, кому не повезло.

В отделе хрусталя и фарфора не произошло ничего особенного. Директор магазина шнырял вокруг, подозрительно разглядывая покупателей. И Деда Морозы за кассами решили, что он проверяет, как они работают.

Честные люди покупали хрусталь и фарфор и уносили покупки в сумках. И ни одна вещь не разбилась.

Потому что вещи эти были рассчитаны на то, чтобы благополучно донести их до дома. Да ещё чтобы они прослужили по меньшей мере неделю: никто не должен был прийти в магазин и пожаловаться, что Большой универмаг торгует одним барахлом.

А события произошли не здесь, а в отделе часов и фотоаппаратов. Четверо расторопных Дедов Морозов помогали «сеять рождественскую радость» среди посетителей.

Прошло несколько хлопотных минут, прежде чем полки опустели.

А потом Деда Морозы скрылись в туалете для покупателей и сняли с себя маски и одежду своих сказочных персонажей, такую тёплую и неудобную, если её носишь дома.

Таким образом вошли в туалет четыре сказочных старичка, а вышли четверо подростков. Но опять же никто их не заметил, и потому никто не удивился.

А директор постепенно добрался до отдела часов и фотоаппаратов. Там его встретила толпа взволнованных покупателей, не успевших ничего получить бесплатно.

Среди них были Милла, Луке, Бюссе и Лонта.

— Как несправедливо! — наперебой кричали они.

— Это так вы обходитесь со своими покупателями? — кипятилась Милла.

— Возмутительно! — заключил Луке.

Директор попытался перекричать шумевших вокруг.

— Это просто недоразумение! — надрывался он. — Сейчас наш универмаг закрывается! Уходите, уходите, пожалуйста!

Охранники ЧАКМ помогали подталкивать посетителей к дверям.

Есть ещё в Трущоберге и другие старые люди, и они могут рассказать, как они когда-то бесплатно получили весьма красивые вещи в отделе часов и фотоаппаратов Большого универмага в тот вечерний час много лет назад.

Некоторым достались тогда часы с радиобраслетом, хотя они о них и мечтать не могли. Другие ушли оттуда с карманными телевизионными камерами, которые сами они вовек не смогли бы себе купить, и лазерным проигрывателем, и им можно было пользоваться чуть ли не полгода.

18

Новость в вечерней прессе

В своей квартире на тридцать первом этаже семья Хэггов сидела и мёрзла, поскольку господину Якоппу Стюксу нужна была нефть для его фабрик, чтобы они могли выпускать всякую чепуху.

Сидели там, дрожали от холода и ворчали.

Вечером папа Эрк громко читал вечернюю прессу. Там говорилось, в частности, о налёте на Большой универмаг накануне вечером. Несколько преступников, замаскированных под Дедов Морозов, проникли внутрь магазина и стали оделять посетителей разными предметами, не требуя оплаты.

Папа Эрк прочёл заметку до конца, замолчал и в задумчивости посмотрел на Миллу. Милла приняла совершенно невинный вид и, казалось, была полностью поглощена игрой с Малышом, беззаботно ползавшим по полу.

— Неплохой налётник! — заметил папа Эрк. — Дальше ещё там сказано, что Большой универмаг потерял на нём что-то около миллиона.

— Ничего себе, столько денег! — ужаснулась мама Криспина.

— Да. Хотя деньги потерял, собственно говоря, один господин Якопп Стюкс. Они у него наверняка не последние.

— А нельзя поговорить с этим Стюксом? — заинтересовалась вдруг мама Криспина.

Все с удивлением на неё воззрились. О чём она собирается говорить со Стюксом?

— Неужели никто не знает, где он живёт?

— Почему же? Он живёт в Люксберге, как и все богачи. В самом шикарном доме во всём городе. Я это знаю, работал там, когда его ещё строили. Настоящий маленький дворец! Только можешь мне поверить, посетить его ты не сумеешь. Никто не имеет туда доступа.

— Что он, так боится? — спросила Милла.

— У него девиз, — ответил папа Эрк: — «Править, но никому не показываться». По этому принципу он и живёт. Но мне кажется, что он всё-таки боится. Дом охраняется массой стражников. А на деревьях, на крышах и на стенах везде телевизоры, на каждом шагу.

— Ну и трус же! — сказала Милла.

Её прервал Малыш, грозно заоравший:

— Тах-тах-тах!

Малыш по-прежнему играл ломаным электрическим подсвечником и испорченным феном. Только раньше подсвечник был реактивным самолётом с семью носами. А теперь он стал военным самолётом с семью боевыми острями для смертоносных лучей. А фен превратился в устройство для сбрасывания водородных бомб.

Малыш столкнул нос к носу обе машины на кухонном полу и закричал:

Тах-тах-тах! Смотрите, как умирают стюксы и все другие капиталисты!
Тах-тах-та-а-а-ах!

Фу, перестань сейчас же! — сказала мама Криспина.— Откуда это у тебя? Слушать противно!

— Ты так считаешь? — вмешался папа Эрк. — Но если уж теперь дети приучаются к оружию, так надо по крайней мере повернуть его в нужную сторону. Ничего страшного он не делает. Это же просто игра, верно?

— Звучит это во всяком случае отвратительно, — не сдавалась мама Криспина.

Постепенно им удалось заставить Малыша немного утихомириться. Папа Эрк дочитал до конца заметку о налёте в Большом универмаге. Охранники уже напали на след преступников. Несомненно, это были хулиганы из города. Вероятно, их скоро поймают.

Сложность была лишь в том, что они ничего не украли для себя лично. Они лишь раздавали вещи другим. Никогда раньше о таком не слыхали. Весь вопрос в том, сказано ли что об этом в законе.

Вполне возможно, что за это полагается даже штрафа. В таком случае надо проследить за тем, чтобы закон был изменён, как сказал начальник министерства охраны.

Папа Эрк что-то, видимо, вспомнил:

Так вот оно что... Ты, значит, хотела бы увидеть господина Стюкса? Я вот о чём подумал, — продолжал папа Эрк, — когда мы строили его громадную виллу, от дома вниз до самого пляжа мы проложили метровой толщины трубу. Нам тогда сказали, что в ней будет сток для воды. Но труба в результате вышла под старый навес для лодок, а там поставили

сверхскоростную гоночную шлюпку и складной вертолёт. Так что у виллы появился потайной запасной выход. И в случае, если люди решатся штурмовать его дом, хозяин может сбежать. Хотя, ясное дело, через эту же трубу можно также и войти!

— С ума совсем сошёл, — сказала мама Криспина.

— Нет, я просто так. И потом, неизвестно, выйдешь ли ещё оттуда...

Он замолчал и взглянул на Миллу. В кухне стало удивительно тихо. Было видно, что Милла весьма заинтересованно прислушивается к их разговору.

«Не следовало, пожалуй, рассказывать при ней ни о каких тайнах, — подумал папа Эрк. — Слишком уж она прытка на всякие выдумки. Не вбила бы себе чего-нибудь в голову!»

То, что Малыш тоже притих, вовсе не привлекло его внимания.

19

Конец господина Якопна Стюкса

День уже клонился к вечеру, когда Буссевилле Карлзон выполз из своего ящика для игрушек. Малыш сидел и поджидал его.

За окном сгущались зимние сумерки. Вокруг громадного высотного здания завывал ветер.

— Ты, значит, знаешь, где находится Люксембург? — спросил Малыш.

— Я знаю всё! — как обычно прихвастнул Буссевилле.

— Да-да, конечно, — поспешил с ним согласиться Малыш. — А можешь ты устроить так, что мы туда попадём?

— Я же сказал тебе, я могу всё! — повторил его собеседник. — Полетим туда на пылесосе или переправимся на моей атомной лодке?

У Буссевилле была гоночная шлюпка с атомным двигателем, хранившаяся в гавани для малых судов недалеко от Трущоберга.

Раньше он об этом никогда не говорил. Наверняка у него имелись и другие интересные вещи, но он о них пока не заикался.

Объяснялось это, разумеется, тем, что он был ленив. Сразу бросалось в глаза, что он не дурак полежать и поспать.

Но теперь он всё-таки вышел с Малышом. Вместе они зашагали по снегу к северу от Трущоберга. И хотя оделись они как следует, холод пробирал их на ледяном ветру до костей.

Малыш спрятал меч под мышку, чтобы засунуть руки в карманы.

Клинок охлаждал тело, как будто был из стали.

На самой вершине горы, над озером, Буссевилле остановился и вытащил из кустов лыжи.

— Надень-ка! — сказал он. — Сейчас мы должны торопиться изо всей мочи. Здесь неподалёку чёрные шпионы, а они ни перед чем не остановятся, чтобы нам помешать.

Едва он произнёс эти слова, как между деревьями замелькали чёрные фигуры на лыжах. Скользя молча и быстро, они приближались прямо к мальчикам. Без палок, как будто их гнал вперёд ветер.

Малыш застегнул лыжи и стал спускаться с вершины горы. Буссевилле шёл за ним след в след.

По крутым склонам, прямо через пропасть, они пролетели так, что в ушах засвистел ветер. Снег брызгами вихрился вокруг лыж, когда они стали петлять между кустами и обломками скал.

Чёрные шпионы тоже спускались как искусные горнолыжники, но мальчикам удалось от них скрыться.

Внизу, на берегу озера, друзья сбросили с ног лыжи и вскочили прямо в лодку, слегка подпрыгивавшую на чёрных волнах.

Буссевилле снялся со швартовов и оттолкнулся. Лодка отошла от берега как раз в тот миг, когда чёрные лыжники притормозили в облаке снега среди обломков скал на берегу.

Лодка была сверхскоростная «Морской крейсер 007». Но сначала, когда мотор взревел, она, как испуганным конь, встала на дыбы.

В каюте было тепло и сухо, хотя на озере бесновался ветер и волны одна за другой разбивались о штевень. Стеклоочистители взбивали на ветровом стекле воду. Лодка неслась вперёд в ледяной тьме.

Переправа заняла всего несколько минут.

Вскоре из темноты начали проступать пятна света: освещенная набережная для прогулок. Большие виллы с ярко сияющими окнами.

Между виллами темнеют густые парки.

За дюнами, на самом высоком холме, расположилась самая большая вилла, похожая на настоящий маленький дворец. Сейчас, далеко от озера, она казалась лишь чёрным силуэтом на фоне ночного неба.

Среди полночной тьмы светилось лишь одно-единственное окно.

Буссевилле Карлзон оттянул назад рукоятку скорости. Рёв мотора превратился в лёгкое тархтение.

— Должно быть, где-то в этом месте, — сказал он. — Здесь мы и пристанем.

Лодка, царапая днищем, проползла по камням по берегу. Малыш спрыгнул на землю и закрепил канат на корнях дерева. Буссевилле догнал его и огляделся.

— В какую сторону идти? — обратился к нему Малыш.

— Всё равно по какой дороге, только идти надо нам вместе. И так попадём, куда следует.

Он пошёл вперёд, прямо через кустарник. Чтобы их не обнаружили, надо было держаться подальше от фонарей на набережной. И кроме того, не попасть в поле действия телекамер среди колючей проволоки на стенах позади набережной.

Через некоторое время им преградила путь деревянная стена без окон. Это был навес для лодок с маленькой дверью в углу. Внутри было совершенно темно, и слышался плеск воды.

Буссевилле посветил своим фонариком. Луч света упал на гигантскую гоночную шлюпку и на небольшой вертолёт со сложенными крыльями. Потом световой луч скользнул к круглому отверстию, казалось, оно ведёт прямо в недра горы.

Придётся тебе идти первым, — прошептал Буссевилле.

Малыш подумал, что первым мог бы пойти и Буссевилле, поскольку он с фонариком. Но тот, видимо, не собирался рисковать понапрасну.

В круглом туннеле было тихо. Вой ветра и плеск воды сюда уже не доносились.

Слышался лишь скрип шагов. Малыш шагал впереди своего спутника, наблюдая за танцующей перед ним собственной тенью.

Прошла минута, четверть часа, а может быть, час. Даже время исчезло в этом круглом туннеле.

Как далеко углубились они в эту гору? Как глубоко находились они под холмами, под мощными стенами, под изгородью и колючей проволокой? Где-то там, над их головами, бушевал ветер, трепал голые ветви серебристых тополей, а здесь было совершенно тихо. Насколько далеко они отошли от берега?

Потом туннель стал подниматься. Он сделался крутым, и стало трудно продвигаться вперёд. Но зато здесь было немного теплее.

Холод остался позади.

Наконец далеко впереди забрезжил свет.

Станный приглушённый свет, как будто из высокого узкого окна.

Малыш заколебался, но Буссевилле заставил его идти дальше. Освещённый прямоугольник впереди увеличился. Туннель раздвинулся и вдруг разом кончился.

Одновременно послышались глухие голоса. Через длинное, узкое окно они могли заглянуть в большую, обставленную дорогой мебелью комнату. Книжные полки из какого-то красивого дерева, покрытый сверкающим лаком письменный стол, картины в золочёных рамах на стенах, чёрные кожаные кресла.

За письменным столом сидел господин Якопп Стюкс.

Они, значит, добрались до самого его дома. До самой той комнаты, где господин Стюкс сидел и придумывал, какое бы ещё зло причинить людям!

Но не это удивило Малыша. Его удивил сам господин Стюкс. Он выглядел совершенно так же, как самый обычный старик, в сером костюме, с округлым лицом и с небольшими усами.

Малыш представлял себе его совсем другим.

Как раз в это время у господина Стюкса были гости. В кресле сидел молодой человек с квадратным портфелем на коленях. Это был Макс Хашбах, инженер, бывший заведующий одним из предприятий господина Стюкса в Голландии, а теперь директор одной из принадлежащих господину Стюксу больших фабрик в Боливии.

Собеседники оживлённо разговаривали. Возможно, разговор их относится к нашей сказке, но скорее всего нет. Во всяком случае, он должен был затронуть всех нас, поэтому давайте лучше к ним прислушаемся.

Господин Якопп Стюкс сказал:

— У тебя идея! Подумаешь! Какая ещё идея? Чего-чего, а идей здесь у каждого навалом! И что в ней замечательного, в твоей идее?

— Она гениальна, — тихо произнёс Макс Хашбах. — Речь идёт об электронных журналах с «сериями» комиксов. Технически они уже готовы, надо только суметь их использовать. И в этом заключается моя идея.

— Ну, давай! — согласился господин Стюкс.

— Как ты знаешь, ЭВМ может рисовать на телеэкране движущиеся картинки. Закладывают первую и последнюю картинку, а ЭВМ рисует между ними движение. Если ты нарисуешь старичка, который сидит, и старичка, который стоит, то ЭВМ может изобразить старичка, который встаёт со стула.

— Это я и без тебя знаю.

— Превосходно. А теперь представь себе, что будет, если напечатать целый журнал с комиксами на маленькой карточке с картинками. Каждая клетка разделена на мельчайшие картинки, одну для начала

движения, а другую для его окончания. И с сигналом для каждой смены картинок. А потом ты изготавливаешь такой телевизор, который может считывать такие вот карточки с картинками и разыгрывать весь журнал с комиксами в движущихся картинках. Со звуком, разумеется.

— Хм, — промолвил господин Стюкс.

Ты же сможешь продать миллионы таких телевизоров! Ты сможешь продать миллиарды карточек с картинками! Все люди будут сиднем сидеть у телевизоров всё своё свободное время. И станут подниматься только для того, чтобы выйти и купить себе еды да ещё новых карточек. И они никогда не поднимутся для того, чтобы взять штурмом вот хоть бы этот твой дом, например!

— Хм, — опять произнёс господин Стюкс.

— Ну, скажи, разве моя идея не великолепна?

— Да, твоя идея действительно великолепна.

— Вот видишь! И поэтому я хочу, чтобы ты её у меня купил и хорошо мне заплатил.

— Вот как? — спросил господин Стюкс.

— А ты как думаешь?

— Хм, — вновь отозвался господин Стюкс. — Ты, значит, хочешь, чтобы я купил у тебя идею. Но зачем мне её покупать, раз она всё равно принадлежит мне?

— Как! — воскликнул Макс Хашбах.

— А вот так. Ты у меня работаешь, — с расстановкой сказал господин Стюкс. — Работа, которую ты выполняешь, принадлежит мне. За это ты получаешь жалованье. Если тебе приходит идея в твоё рабочее время, — значит, она тоже принадлежит мне, а как же? Естественно.

— Но это же не так! — вскипел Макс Хашбах. — Эта идея осенила меня в моё свободное время... Когда я загорал и купался... то есть лежал на пляже, я хочу сказать... в Акапулько...

— Докажи это, если сможешь, — пожал плечами господин Стюкс.

Доказать это, конечно, дело невозможное.

Когда Макс Хашбах это понял, то побледнел. Лицо у него стало совсем белым, белым и решительным.

Господин Стюкс должен был это увидеть и поостеречься. Но он улыбался, глядя в потолок, и думал о власти, окончательной ВЛАСТИ над людьми и их мыслями.

Этого делать ему не следовало.

А за окном стоял Малыш и пытался представить себе электронный журнал с комиксами. Фантастика! Вот это идея!

Засунь карточку в телевизор — и пожалуйста, вот они все у тебя дома. И зелёное чудовище, и человек-паук, металлическая женщина, человек-череп и все другие тоже! Вот это да! Как бы ему этого хотелось!

И как часто хотелось раньше!

Странная это была мысль.

Странно было то, что одна и та же вещь могла быть привлекательной и пугающей в одно и то же время. Он же знал, что это опасно, плохо, вообще никуда не годится. Но вместе с тем заманчиво, хорошо и интересно.

Круто, короче говоря.

Малыш пришёл в себя от того, что Буссевилле Карлзон подтолкнул его в спину. Господин Стюкс оказался вдруг один в комнате. Сидел, глядя в потолок, и улыбался, поглаживая усики.

Малыша ещё сильнее толкнули в спину, так что он пролетел через окно и очутился на полу той богато убранной комнаты.

Но стекло не разбилось. Это было зеркало! И через это же зеркало влетел Буссевилле Карлзон и тоже очутился рядом с ним в комнате. Оба они вскочили с пола и встали рядышком.

Господин Стюкс поднялся со стула и вышел из-за письменного стола. Он уже больше не улыбался.

— Ну! — сказал Буссевилле Карлзон.

Малыш заколебался. Раньше он считал, что господин Стюкс похож на того Злого Рыцаря или по крайней мере на стражника с пластмассовой головой. А всё оказалось совсем не таким.

— Вот как, — сказал господин Стюкс. — Наступил, значит, такой момент. Да, я ведь и раньше понимал, что пройдёт мой час, что дольше не может так продолжаться, я понимал и раньше...

Малыш никак не мог решиться.

— Послушай, он же самый обыкновенный старик... — обратился он к своему другу.

— Тебе только так кажется, — наставительно сказал Буссевилле Карлзон. — А в груди у него сердце из камня. Чего мы ждём? Один из нас должен это сделать!

Малыш не хотел смотреть. И закрыл глаза. А когда он их открыл, то господин Стюкс лежал с мечом в груди. Но никакой крови не было, каменное сердце кровью не истекает.

Малыш и Буссевилле Карлзон вернулись обратно тем же путём, через круглый туннель.

Высоко над их головами зимний шторм рвал и раскачивал голые ветви серебристых тополей. Стражники думали, они видят всё, что можно видеть на телевизионных экранах. А охранники считали, что за своей колючей проволокой и толстыми стенами они оставили всякую справедливость и все законы.

Все очень удивились бы тому, что произошло.

Сказка кончается там, где она началась. Господина Якоппа Стюкса больше не было на свете. Новость разлетелась по всему миру.

Газеты писали, что он скончался от двух выстрелов в сердце. В своём рабочем кабинете, в глубине своей прекрасно охраняемой виллы.

Как туда удалось пробраться преступнику — остаётся загадкой.

Вот что писали газеты, поэтому видно, как они пишут.

По телевидению сказали то же самое.

Новость долго жила в газетах и на телевидении. Служба охраны нападала то на один след, то на другой. Подозрения шли в одном направлении. Потом они шли в другом направлении.

И так продолжалось довольно долго.

Постепенно люди поняли, что происшествие никогда уже не будет объяснено.

В конце, однако, следует сказать: ничто не изменилось к лучшему из-за того, что произошло.

Господин Стюкс был опасен, это верно, но смерть его ничего не изменила. Другие уже стояли наготове, чтобы унаследовать его власть при поддержке тех же самых стражей порядка и тех же законов.

Другие стояли наготове, чтобы следовать его указаниям.

Никто не мог ничего изменить, ни один человек, ни одна группа. Надо, чтобы людей было много, так много, насколько это возможно, почти все сразу.

А мы ведь знаем, как всё будет дальше. Ещё папа Эрк сказал, что люди теряют терпение. Действительно, так оно и будет.

Народ потеряет терпение и поднимется и сметёт все несправедливые законы, жадных собственников и жестоких стражей порядка.

Но это уже другая история, пусть её и рассказывает кто-нибудь другой.

Кто-нибудь из вас, молодых. Кто-нибудь из вас, кто участвовал в событиях.

Комментарии:

- ¹ Липовый цвет.
- ² Черёмуха.
- ³ Дубовый лист.
- ⁴ Лесная лужайка.
- ⁵ Хассельгрэн — ветка орешника.
- ⁶ Хассельнёт — плод орешника, орех.
- ⁷ Канин — кролик.
- ⁸ Бьёрн — медведь.
- ⁹ Эльг — лось.
- ¹⁰ Брур — брат.
- ¹¹ Сюстер — сестра.
- ¹² Лиллебрур — братик, малыш.
- ¹³ Стурасюстер — старшая сестра.